

Вася Дикий

A movie poster for the film 'Vasya Dikiy'. The background is a lush green forest with sunlight filtering through the trees. In the center, a group of five young people are posed. At the top, a young man with brown hair wears a red shirt under a plaid shirt. To his right, a young woman with long dark hair is seen in profile. In the middle, a shirtless young man looks forward, and next to him, a young man with long brown hair wears a brown t-shirt with a graphic. In the foreground, a young man with glasses and a plaid shirt looks directly at the camera with a slight smile.

ВЗРОСЛЫЕ

книга первая

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вася Дикий

Взрослые. Книга 1

«Автор»

2011

Дикий В.

Взрослые. Книга 1 / В. Дикий — «Автор», 2011

В мозг подростка встроена функция противостояния взрослым. Нет-нет, да и подумает о том, как было бы круто без предков и преподавателей, вечно кукающих мозг и знающих «как надо». А что будет, если желание уставшего от гнёта юнца исполнится? Лес. Калифорния. Планета Земля. Оголенные старшеклассники устраивают свою личную жизнь и пьют в два горла. Палатки, костры и... взрослые. Ну вот зачем они здесь, а? Зачем портят всю малину и не дают нормальным подросткам заниматься сексом? И ничто не предвещает спокойного отдыха, пока однажды утром... Автор обложки: Елена Корнилова. Содержит нецензурную брань.

© Дикий В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вася Дикий

Взрослые. Книга 1

Глава 1

Ночная вечеринка

Обглоданная луна сонно болталась под пологом звёздного неба. Её тусклый свет терялся во мраке, нависшем над прохладой густой чащи. Сквозь неё продирались два прытких огонька.

– Честити, ну это бред какой-то!

– Тихо ты. Иди молча.

Сара обречённо вздохнула и продолжила прокладывать путь между разросшимися кустарниками и диким папоротником. Ночная роса холодила открытые ноги, а вездесущие ветви норовили вцепиться в лицо и глаза.

– Я их вижу, – приглушённо вырвалось у Чес, и она прибавила шагу.

Издалека доносилась музыка, но за спиной подружки Саре ничего не удавалось разглядеть. Она слепо следовала за Чес, стремительно шедшей на еле заметный свет костра.

– Далеко ещё?

– Не ной, – отрезала та и проигнорировала последующие стоны недовольной спутницы.

С каждым шагом музыка становилась всё громче, а очертания происходящего вокруг пламени более отчетливыми.

– А если взрослые заметят?

– Сара, – Честити сделала глубокий вдох, – тебе не кажется, что об этом как-то уже поздно думать?

– Мы ещё можем вернуться...

– Да? Возвращайся.

– Эм... а... а как же ты?

– Да уж как-нибудь.

– Вдруг узнают, что—

Чес резко развернулась.

– Так чего же ты поперлась, если тебе все не нравится?

– Я... – Сара оторопела. Хоть подруга и могла выдать крепкое словцо, в её адрес оно ещё не прилетало.

– Да, ты! Не уж-то не хотела отпустить меня одну? Не смеши. Думаешь, я не знаю, зачем тебе это? – она сверлила Сару взглядом, пока та собиралась с мыслями.

– З-з-зачем?..

– Брось, Рейн, вся школа знает, что ты неровно дышишь к Китену, хоть это и единственный урод, которого я на дух не переносу.

Сара потеряла дар речи и замерла с раскрытым ртом.

– Ну, что? А? Что молчишь?

– К-кит-тон?.. П-причём тут он?

– К-к-китен, – передразнила Чес. – П-п-причём. Притом!

– Б-бред, – фыркнула Сара, неумело пряча вспыхнувший стыд.

– Ты другие слова знаешь, а? Всю дорогу твердишь мне, что это бред. Ну и сидела бы в палатке, чего за мной потащилась? Только не надо тут ломать комедию, что всё это ради меня

и бла-бла-бла. Я не маленькая, да и тебе пора бы не скидывать всё на мою, как ты любишь выражаться, безрассудность. Ты пошла за своим К-к-китеном!

Сара стиснула зубы, а Честити продолжила пламенную тираду:

– Да, учителя и предки могут засечь, что нас нет. И да, тогда нам влетит. Но просто признай, что получишь не из-за меня, – Честити поджала губы. Выждала мгновение и сказала: – Если я неправа, разворачивайся и иди обратно в лагерь, мне провожатые не нужны.

– Но... – Сара ошарашено глядела на разошедшуюся подругу. Кто бы мог подумать, что та видит её насквозь?

– Не строй из себя сестру милосердия. Не хочешь идти веселиться – ты знаешь дорогу.

Воцарилось молчание. Сара отвела взгляд. Она судорожно искала нужные слова, как назло, попрятавшиеся по закоулкам натуженного мозга.

– Пойдём дальше, – пробормотала она, так и не взглянув на подругу. Обогнав её, она стала молча пробираться на свет и звуки музыки, разбавляемые еле различимыми голосами парней и девчонок.

Остаток пути прошёл в полном безмолвии. Сара погрузилась в размышления, в которых проводила большую часть времени, пока Честити охмуряла мальчиков и отрывалась на вечеринках. «Вся школа знает, – вертелось в голове. – Вся школа! Может, и правда вернуться?» Но сила притяжения Китена была сильнее стыда и страха. Под ногами продолжили ломаться ветки, а сбивчивое дыхание укрыло застрявшие в горле слова.

Вскоре свет костра перестал быть призрачным мерцанием, и девушки оказались на поляне, наполненной музыкой и весельем. Кто-то болтал, попивая пунш или пиво; кто-то отрывался в безумном танце, пока другие оттачивали хореографию, чтобы «показать товар лицом»; кто-то целовался, опершись на многовековые сосны; а самые безрассудные уже приступили к более решительным действиям и уединились в зарослях, скрывавших происходящее от разномастной толпы.

– Эй, Хлоя! – завидев первую же знакомую, Честити поторопилась оторваться от Сары и нарочито радостно помчалась к ней.

Так, не успев опомниться, Сара осталась одна. «Лучше бы спать легла, как все нормальные люди...» Она с опаской огляделась и заметила своего теперь уже не совсем тайно обожаемого Коула Китена. Он стоял в группе парней, с важным видом глушивших алкоголь и наблюдавших за беснующимися собратьями. Белая футболка удачно обтягивала рельеф его грудных мышц, которыми он явно гордился. Поговаривали, что больше ему и гордиться-то нечем. Он осматривал окружающих оценивающим взглядом и то и дело отхлёбывал из пластикового стакана. Прошёлся по Саре и, не найдя в ней ничего интересного, переключился на других. Вскоре он завидел, как одна из девчонок неумело отплясывает кривыми ножками, и с воодушевлением принялся обсуждать её недостатки.

Сердце качало кровь, как съехавший бодибилдер, забивающий мышцу на ржавом тренажёре. Вдох. Выдох. Вдох... Никто не должен был видеть суматохи за невозмутимой маской. Желательно, и сама Сара. Переведя дух, она присела на брёвнышко возле костра. Рядом ютились две понурые скромняжки, потерпевшие фиаско при попытке влиться в тусовку.

– Привет, Сара.

– Привет, Линдси...

Рейн пристально просканировала взгляд девчонки на предмет её информированности о том, про что «вся школа знает».

Вторая бедолага, Моника Квинс, молча махнула рукой в знак приветствия и перевела отсутствующий взгляд на огонь.

– И тебе привет, Мон...

– Не обращай внимания, Моника сегодня не в духе.

– Я заметила.

– Да... я её уговорила сюда прийти, думала повеселиться, всё такое... А она волнуется, что нас застукают и накажут. Да мы и понятия не имеем, как тут веселиться, – Линдси издала глупый смешок и умолкла, потом кивнула в сторону ребят, игравших в игру, неподдающуюся описанию, и сказала: – Даже не представляю себя среди этих вот, например. А идти одни боимся – вдруг заблудимся, или звери нападут.

Сара решила поддержать беседу. Это показалось хорошим прикрытием для наблюдений за Коулом, по-прежнему занимавшимся «важным» делом.

Честити уже допивала пунш и смеялась над пошлыми шутками окруживших её парней. Каждый старался выделиться и переключить внимание «тёлочки» на себя, но ни сегодня, ни завтра ни одному из них ничего не светило. Несмотря на то, что ребята были вполне ничего, до её планки не дотягивали. Честити знала себе цену. Точнее, недавно узнала.

Невзирая на юный возраст, она давно познала прелести межполовых отношений. Поначалу, это было хорошим козырем на «брачном рынке» – она могла дать гораздо больше, чем эти зажатые прелестницы, хранящие им одним нужную девственность. Но со временем стали проскакивать косые взгляды и непристойные предложения от почти что незнакомых парней. Пока это оставалось на уровне шутки, было даже забавно. Но всё изменилось после одного разговора, не предназначавшегося для ушей Честити.

Она сидела в кабинке школьного туалета по очень важным делам. У раковин слышались возня и голоса двух девчонок.

– Стивен сказал, что я ему нравлюсь.

Это явно была Сидни Ловет. Чес сразу узнала её голос, его ни с чьим не перепутаешь: чуть хриловатый, но приятный, как у французских шансонье.

– Я думала, позавчера он был с Честити Тор, – удивилась вторая, очевидно, Каролина, служившая бесплатным приложением к Сид.

– И? Он отымел её и забыл.

– И тебе всё равно?

– Он просто парень, что с него возьмёшь? Знаешь, как у кобелей – хочется почесаться и всё, – гоготала Сидни. – Кстати, он сказал, что она так себе.

Честити с трудом проглотила обиду. Что её задело больше: предательские сплетни, пренебрежительное отношение мужчин, или столь уничижительный отзыв о её способностях на постельном фронте? Она всегда была первой, лучшей, а тут «так себе». Нет, такой «дизлайк» не мог остаться без внимания и погрузил Честити на дно отчаяния, полив соусом позора. Хоть сквозь землю проваливайся или ныряй в унитаз. Сказавшись больной, Тор несколько дней не ходила в школу. Всё это время она пыталась справиться с переживаниями и найти выход из сложившейся ситуации.

Выход нашёлся. Эти события годовалой давности заставили «местную давалку» сменить политику и отвечать взаимностью только тем, кто действительно был чрезвычайно хорош и популярен.

И сегодня чрезвычайно привлекательным и вполне себе популярным объектом для намерений Честити оказался Джей Фокс, главная звезда школьной театральной студии. Про запас она наметила Питера Бэллона, если с Джейм чем-то пойдёт не так. Сей экземпляр отличался умопомрачительной внешностью, за которой ещё никому не удалось разглядеть хоть что-нибудь достойное внимания. Он постоянно стоял первым в списке на отчисление, но всякий раз чудесным образом оставался невредим. Впрочем, при столь влиятельных родителях загадкой это было едва ли.

Честити пропускала мимо ушей трёп хорохорящихся ребят и то и дело поглядывала по сторонам в поисках своих мишеней. Вскоре среди танцующих она заметила Джея, обнимавшего какую-то вертихвостку в не по погоде коротеньких шортиках. Ночная прохлада, должно

быть, нещадно холодила её курые ляжки, так что Фокс явно намеревался их хорошенько прогреть. Недолго думая Чес отдала свой стаканчик одному из говорунов и направилась на импровизированный танцпол. Природные чувство ритма и пластика всегда выделяли её на фоне корявых неумех, так что она уверенно затрясла тем, чем была одарена природой, попутно лавируя между извивающихся тел. После серии «па» она оказалась рядом с обжимающейся парочкой и «случайно» подставила дамочке подножку. Та не удержалась и рухнула прямо на разгорячённого партнёра. Он быстро спохватился и помог ей обрести равновесие, вскоре они продолжили танец как ни в чём не бывало. Чего бы ни хотела добиться Честити, ей это не удалось, так что она протанцевала подальше от «места преступления».

Чтобы скрыть неудачу, о которой никто, кроме неё, не знал, Чес неистово имитировала веселье и непринуждённость. Со своим мини перформансом она примкнула к группке девчонок, обсуждавших одноклассников. Делая вид, что слушает, она покачивала бёдрами в такт музыке и невпопад кивала головой.

– Она мне дала списать с таким видом, будто я попросила её показать мне секретные документы Пентагона.

– Ты про Милу Маккорни? – вмешалась Чес, наконец совладав с эмоциями и всё ещё пританцовывая.

– Ага, – кивнула Саша. – Она такая зануда.

Честити согласилась и стала с интересом разглядывать собеседницу. Она мало что о ней знала, только, что та приехала из России после победы на каком-то там конкурсе.

Остальные тоже ободряюще загоготали и продолжили перебивать косточки окружающим.

– Талинда! О, Боже! – воскликнула полноватая блондинка, кивая в сторону габаритной глыбы, покрашенной в самый ядреный черный среди всех красок для волос. – Этот зад! Я бы с таким из дома не вылезала! А она еще и крутит им, будто он с цепи сорвался!

Все снова засмеялись, радуясь, что природа благоволила им больше, чем этой несчастной.

Вскоре Саше надоели «бабские посиделки», и она отошла налить себе пунша, после чего «забыла» вернуться к компании. Прогулявшись вдоль поляны, она присела на одинокое дерево, поваленное прошлогодним ураганом.

Вокруг кипела жизнь, ребята и девчонки веселились, как могли. Саша с наслаждением попивала пунш и наблюдала за происходящим. Её новая жизнь была похожа на сказку, слезанную с американского кино. Новые знакомства, школа, «дом». Новая она. Буквально вчера – обычная скромная девочка Саша Леонова, сегодня – всё ещё Саша, но уже немного другая, сбросившая налёт старого окружения, вытачивавшего её на свой вкус. Новые рамки были свободнее прежних, и она жалела только о том, что в конце учебного года придётся уехать обратно в Москву.

– Чего скучаешь? – от мыслей её оторвал Питер Бэлон, резким движением опустившийся на бревно.

– Решила отдохнуть от танцев и болтовни, – улыбнулась Саша.

«Петька» впал в ступор – видимо, пора отчаливать и не приставать с разговорами.

– Я не о тебе, – сказала она и примирительно тронула его за руку.

Тот увидел «зелёный свет» и приступил к обольщению. В программу входили «забавные» истории из жизни и расспросы о совершенно не интересовавшей его России, перемежавшиеся с банальными комплиментами о красоте русских женщин.

– А у тебя дома есть парень?

– Нет.

– А здесь кого-нибудь присмотрела? – голос стал на тон ниже и окрасился бархатной хрипотцой.

Саша опустила голову, пряча неподвластную улыбку. В отличие от Честити, она не обладала богатым опытом, и это отнимало пару пунктов уверенности. Её общение с противоположным полом ни разу не заходило дальше горячих объятий под луной или лампочкой Ильича — а этот парень был явно не из тех, кто готов ограничиться невинными ласками.

– Есть парочка, – наконец ответила она с вызовом. И не солгала. Саша была влюбчивой особой и могла вместить в своё огромное сердце сразу нескольких кандидатов. С другими органами дела обстояли иначе, и назвать её потаскухой было крайне сложно. В любом случае, в сердечке Саши нашлось место и для Бэллона, так что он «зашёл по адресу».

– Можно полюбопытствовать? – соблазнительно улыбнулся парень.

– Любопытствуй, – хмыкнула Саша, чем в очередной раз ввела бедолагу в ступор.

– Ну... в смысле... кто они? – попытался объяснить Питер. «Эта русская явно “не въехала”».

Это развеселило её ещё больше.

– Я поняла. Но это секрет.

– Может, ты со мной им поделишься?

Пит перешёл в наступление и приобнял девушку, воркуя своим голосом, предназначенным для соблазнения.

– А ты мне что? – закокетничала Саша.

– Уuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuu! – загадочно протянул Бэлон, намекая на нечто невероятное.

Честити продолжала незамысловатую беседу с девчонками, попутно высматривая «дичь». Среди толпы трясущихся танцоров она с трудом разглядела Джея, всё ещё увивавшегося за той в коротких шортиках. «Тут точно облом. Из-за этой девки даже подойти не получится». Питера и вовсе не было видно, так что стоило пройтись, чтобы «невзначай» на него натолкнуться. К тому же доза сплетен на день уже зашкаливала, а учитывая, что в сторону компании двигалась та самая Туалетная Сидни, сам бог велел сваливать.

В свою очередь, Сид понятия не имела, что Честити слышала упомянутый диалог с Каролиной, поэтому никак не могла взять в толк, почему Тор её избегает.

Чес тихонечко улизнула, взяла себе бутылочку пива и стала прогуливаться по поляне в поисках кандидата номер два. «И тут облом...» – пронеслось в голове при виде Питера, облизывавшего новенькую.

Несолоно хлебавши Честити зашла в кусты, чтобы справить нужду. Аккуратно поставила бутылку, расстегнула джинсы и принялась за дело. Когда с ним было покончено, она выпрямилась и стала натягивать узкие штаны. Неловкое движение – и бутылка повалилась, залив своим содержимым кроссовку. Чес запрокинула голову и тяжело вздохнула. «Отлично». Удивительно, сколько говна может случиться за один вечер, обещавший быть крайне весёлым: сначала Сара со своим двуличием и нытьём, потом Джей с «шортиками», Питер с Сашей, а теперь ещё и это. «Что дальше?»

– Ой, извини, – растерянно буркнут Коул Китен, мечтавший опорожнить налитой мочевой пузырь.

Честити проигнорировала его извинения и молча выбралась из зарослей. Когда-то он ей здорово насолил, и до сих пор был в её личном «списке Магнитского».

Ещё в средней школе Чес встречалась с его лучшим другом Полом Штольцем. Долго это не продлилось и закончилось неминуемым расставанием после известия об измене последнего. Честити не могла потерпеть такого отношения и недолго думая послала Штольца ко всем чертям. Всё бы ничего, но Коул решил, что обязан отомстить за друга. Он пробрался в женскую раздевалку и сделал серию снимков обнажённой и ничего не подозревавшей Чеси. На следующее утро самое «удачное» фото красовалось на школьной доске объявлений. К счастью Тор, немногим удалось лицезреть это «чудо», благодаря ранней пташке Саре, вечно торчавшей в

школе чуть ли не с самого открытия. Коул и не пытался отрицать свою причастность к произошедшему. Он даже гордился подлой выходкой.

С тех пор Честити на дух не переносила этого чокнутого заступника своего блудливого дружка. Неудивительно, что её верная Сара молчала о своих чувствах к нему.

Молчала и скрывала, поначалу и от самой себя. Любовь – это не всегда светлое чувство и кананье радугой. Порой это слабость, особенно если растёшь без отца с феминизированной спартанской мамашкой. Но в итоге она смирилась. Не могла справиться с этими чувствами, как их ни называй. В конце концов на прошлый День Св. Валентина Сара решила признаться. Анонимно. Её просто распирало от эмоций, и она не могла молчать. Но и сказать тоже не могла. Компромисс между этими «не могла» был найден, и влюблённая нимфа накропала записку, в которой излила свои чувства и метания. Несмотря на отсутствие подписи, вскоре поползли слухи об отличнице Рейн, «втюрившейся» в Коула Китена. Отличница могла бы и догадаться, что каллиграфический почерк, безупречная грамматика и характерные литературные обороты выдадут её с потрохами. Слухи дошли и до Честити. По-началу она в них не верила, но, увидев записку собственными глазами, потеряла всякие сомнения. Она всегда доверяла Саре и думала, что у них нет друг от друга секретов – а тут «нежданчик», как выражался небезызвестный Коул. Но всё же Чес решила смолчать и ждала, пока подруга сама раскроет ей свою всем известную тайну. Не дождалась.

Станным было то, что Китен не предпринял никаких действий. Уличить его в гуманности было крайне сложно, скорее, стоило ожидать издевательств и унижений. Но ничего этого не последовало.

Быстренько удалившись от кустов, Честити села к костру, чтобы просушить мокрую обувь. Неподалёку всё ещё сидела Сара, обдумывавшая способ примирения с подругой. Чес было не до неё, она мучилась с запутавшимися шнурками и даже не заметила Рейн, подсевшую к ней поближе.

– Как время проводишь? – наконец спросила она.

– А тебе не всё ли равно?

– А... – Сара растерялась. Поначалу казалось, «миришь-миришь» будет лёгким и безболезненным. – Нет...

– Думаешь, можешь вот так просто подойти и заговорить со мной, будто ничего и не было?

– Чес, прости... но... в чём моя вина?

Честити вскинула брови.

– В том, что я тебе не сказала о Коуле? Я знала, что тебе будет неприятно, поэтому и не стала ничего говорить. Я не виновата, что... что испытываю к нему чувства... это не мой выбор... так получилось... К тому же, у нас с ним ничего не было... и не будет...

– Ты реально не понимаешь?

– Нет... Скажи...

– Ты же такая умница, всегда знаешь правильные ответы! Придумай что-нибудь, – Чес натянула всё ещё не просохшую кроссовку, резко завязала шнурки и поспешила уйти от неприятного разговора.

Сара снова осталась одна. «Кем она себя возомнила?! Ну не сказала я ей про Китена, и что? В конце концов, это моё личное дело!»

«Не праздник, а день откровений какой-то, – Честити тоже пожалела, что не осталась спать в палатке. – Чёрт бы побрал эту Сару!»

– Эй, ты чего такая смурная? – окликнул её один из товарищей, уже порядком поднабравшись. – Иди к нам, мы тебя развеселим.

Выбор был небольшой, так что Честити позволила повеселить себя сначала одной бутылочкой пива, потом второй и третьей...

Тем временем оставшиеся в лагере спали. Только Билли Терноп, главный ботан и объект насмешек школы, не дремлет. Он выжидал, когда его родители уснут и откроют ему путь к свободе.

Вечеринка была уже в самом разгаре, но он ещё мог поспеть на что-нибудь интересное. А что же такого увлекательного могло ждать там такого, как он? Только новая порция унижений и обидных издёвок.

Всё же паренёк на что-то надеялся. Он ни разу не был ни на одной вечеринке и полагал, что своим приходом сможет изменить отношение к себе в лучшую сторону. Но Коул Китен любил говорить: «Есть люди, просто созданные для унижения», – так что присутствие или отсутствия Билли мало что меняло в его тяжёлой судьбе.

Он внимательно прислушивался к размеренному дыханию родителей. «Походу, уснули». Потребовалась пара мгновений, чтобы надеть кофту и обувь. Дрожащие пальцы потянулись к застёжке палатки, и... – молния предательски закричала.

– Билли, сынок, ты куда? – сонно спросила мама.

«Старая сука!»

– Я в туалет, мам.

– Я с тобой, в лесу опасно.

Заботливая мамочка уже выкарабкивалась из спального мешка.

– Мам, ты что? Я сам, – забеспокоился Билли.

– Это не обсуждается, – сказала София и набросила ветровку.

– Может, ты мне ещё и поддержишь?! – самопроизвольно озвучилась необдуманная мысль.

– Ты как разговариваешь с матерью?! – воскликнула женщина и тут же принялась расталкивать мужа. – Джозеф, ты это слышал?!

– Ладно, мам, успокойся! – затараторил Билли. – Извини.

Джозеф пробурчал что-то нечленораздельное и повернулся на другой бок.

План побега не удался, и очкарику пришлось идти «по делам» под конвоем и выслушивать ворчание матери. Затем София затолкала его обратно в палатку и нырнула в уютный спальник. Но спать она не торопилась – ворочалась и поминутно задевала сына, чтобы тот чувствовал её обиду и негодование. В итоге Билли понял, что спокойно полежать не удастся, и достал электронную книгу. Сэлинджер всегда его успокаивал и дарил надежду на свободную жизнь без гнёта школы, предков и прочего социального «мусора».

– Сейчас не время читать, ложись спи, – сказала мама и забрала книгу.

– Да, мам... – вздохнул Билли, мысленно обозвав её похлеще, чем в прошлый раз.

– Тебе не кажется, что как-то подозрительно тихо? – вдруг спросила София. – Не похоже на твоих дружков.

«А тебе не кажется, что лучше бы ты сдохла?!»

В прошлогодний поход некоторым «детишкам» вечно не спалось. Это было хорошей традицией – выбирать сто лучших учеников и устраивать самый настоящий недельный поход с палатками, котелками и песнями под гитару. В сотню входили талантливые и выдающиеся ребята и девчонки, можно сказать, собиралась вся элита старшей школы Ричвиля. Правда, это было только номинально, ибо некоторых приглашали по иным соображениям. Ты тугодум и бездельник, но твой папа внёс щедрое пожертвование в фонд школы? – Мы уже греем тебе местечко! Ты ни черта не делаешь, но твоя мама знает мэра города? – Добро пожаловать! И в «золотую сотню» жаловали те, кто вовсе не заслуживал в ней находиться. Из года в год компания умников, спортсменов и талантливых в любом виде творчества подростков разбавлялась никчёмными тунеядцами, способными только на шалости и сквернословие. Прошлый год не был исключением. В первую же ночь похода несколько учеников напились и устроили поджог

палатки «алгебраички» за то, что она «завалила» их на тесте. К счастью, никто не пострадал, за исключением поджигателей, которых отчислили из школы. На этот раз им не помогли ни связи, ни финансовые вливания родителей. Удалось лишь отговорить «жертву» от подачи иска в суд тоекратным покрытием её морального ущерба. Помимо этого вопиющего происшествия то из одной, то из другой палатки доносились голоса и сдавленный смех. Кто-то просто беседовал, а кто-то развлекался менее невинно.

Миссис Терноп снова стала натягивать куртку, чтобы сделать вылазку.

– Ты куда? – зашипел Билли.

– Посмотрю, что происходит. Не к добру это...

– Чего ты выдумываешь? Спят все давно, перебудешь только!

Билли в отчаянии схватил мать за край ветровки и потянул обратно. Она включила фонарик и направила ему в лицо.

– А чего это ты так разнервничался-то?

Тот замялся, но быстро нашёл, что ответить:

– Меня и так все считают за маменькиного сыночка, а тут ты ещё будешь по палаткам лазить. Совсем затравят.

Миссис Терноп продолжала светить сыну в лицо, пытаясь уловить в нём признаки лжи. Тот стойчески держался, щурясь от яркого света.

– И это всё? – наконец спросила она, не скрывая подозрения.

– Д-да...

– Хорошо бы, чтоб это было так, – заявила София и вылезла на свежий воздух подальше от спящего мужа, объевшегося давеча фасоли.

Она медленно шла меж безмолвных палаток, пытаясь вспомнить, кто где расположился. Было бы крайне неудобно залезть к кому-то из учителей или других родителей. А коли случайно разбудишь детишек, так что ж? – Не смертельно. «Нет, здесь Стивенсоны», – думала она, проходя мимо ярко-оранжевого шатра семьи владельцев сети бензоколонок. – А там кто?» В одной из палаток горел свет, и София подкралась к ней, очень медленно и осторожно. Она резко расстегнула молнию и просунула голову внутрь.

– Миссис Терноп? – испуганно выдохнула Мила, с усмешкой упомянутая Сашей. Рядом сидела опешившая Вики Стрим, не проронившая ни звука. На спальных мешках были разложены карты – похоже девочки гадали на суженного или пытались предсказать следующего чемпиона национальной футбольной лиги.

– Почему не спите?

– Просто играем, – ответила Мила и быстро сгребла Таро в кучу.

– Все остальные спят, – строго сказала София.

У Вики вырвался предательский смешок.

– Как это понимать?

Не получив ответа на поставленный вопрос, мать Билли бесцеремонно расстегнула соседнюю палатку, в которой должны были спать Сара и Честити.

– Где они?

– Кто? – спросила Мила с глупым выражением лица.

– Брось, ты знаешь, о ком я!

Девочки заглянули к соседкам и состроили удивление, будто и понятия не имели, что происходит.

– Хватит ломать комедию! Где они?

Пришлось вскрыть ещё пару палаток – никого. София была в бешенстве и с новой силой учинила допрос. Но девочки и впрямь не знали, куда все подевались. Их никто не звал на вечеринку. Они только видели, как небольшие группки парней и девчонок с завидной регулярностью покидали поляну и уходили в чащу.

Не добившись большего, миссис Терноп вернулась к сыну.

– Может, теперь ты скажешь, в чём дело?

Билли тоже никто не звал, как, впрочем, и Линдси с Моникой, всё ещё тухливших у костра. Они случайно услышали за ужином о готовящемся событии и решили попытать удачу.

Вскоре все учителя были подняты на ноги и готовились устроить облаву непослушным подопечным. Во главе шествия влачился испуганный Билл, единственный знавший направление. Ему-таки суждено было попасть на это «событие века». Правда не в том качестве, о котором мечтал.

Расталкивая кусты и ветви, норовившие выпарапать глаза, все торопились как можно скорее испортить празднество. Уже были слышны голоса и звуки музыки, впереди плясало чуть заметное пламя огня.

– Ну вот... идите прямо на свет, я больше не нужен, – проблеял Билли.

– Э-э нет, – сурово оборвала его София и не позволила вернуться в лагерь. Она крепко взяла его за руку и держала рядом, как никчёмную собачонку. Приблизившись к поляне, передала его отцу и выступила на свет из зарослей.

Никто даже не обратил внимания на её появление. Все продолжали заниматься своими делами, не подозревая о «набеге». София решила отыграться на детишках по полной, по какой-то неведомой причине приняв всё происходящее на свой счёт. Она подошла к извивающимся под далеко не мелодичную песню девушкам и присоединилась к их танцу.

– Классный музон! – крикнула она, дёргая головой, как утка.

Те отпрянули от неожиданности и чуть не наделали в штаны и короткие юбки. На поляну выступила вся разгневанная учительская братия.

– Вечеринка окончена! – возопил уса́тый тренер футбольной команды, и вырубил музыку.

По большому счёту мистеру Хэкмуту было плевать, что детишки решили поразвлечься. Его беспокоил лишь факт того, что среди них были его подопечные, которых теперь могли не допустить до матча с «Орлами» Фишер-Сити.

С этими «птичками» у тренера были давние счёты. Ещё в юности он играл за «Пантер» Ричвиля и подавал большие надежды. Ему прочили карьеру профессионального футболиста, но на матче против «Орлов» Уилл Хэкмут получил травму, перечеркнувшую его светлое будущее. Теперь каждая схватка с этими выскочками была окрашена жадой мести и никак не могла быть проиграна.

Началась суматоха. Некоторые решили спастись бегством и окольными путями пытались вернуться в лагерь. Кого-то из беглецов удалось поймать; кому-то повезло больше, и они смогли юркнуть в незаконно покинутые палатки, чтобы улечься спать как ни в чём не бывало. Самые отважные или просто пьяные до невменяемости продолжали смеяться. Были даже те, кто всё ещё пританцовывал, не заметив отсутствия музыкального сопровождения.

Питер Бэлон был одним из шустрых малых и пулей вылетел с поляны. При первом же появлении «опасности» он оторвался от Саши, с которой так и не успел добраться до последней «базы». Она осталась сидеть на поваленном дереве, провожая взглядом сверкающие пятки неудавшегося ухажёра.

Пит даже не удосужился предложить бежать вместе. На губах ещё оставался вкус его жвачки, а самого его уже и след простыл.

Честити тоже удалось ускользнуть с поляны. Она с трудом разбирала дорогу, ориентируясь лишь на рядом бегущих товарищей. Спотыкалась, пару раз пропахала носом землю, но в итоге добежала до лагеря и рухнула в палатку. Всё кружилось. Чес закрыла глаза в надежде остановить «вертолёт», но сделалось только хуже. К горлу подкатила тошнота, но нужно было терпеть, чтобы не попасться в лапы коварных преподавателей. В полузабытьи она молилась об окончании этого алко кошмара.

Сара же, так ничего и не добившись своим приходом на вечеринку, по-прежнему сидела у костра и проклинала себя за глупость. И зачем она только попёрлась? Ни с Коулом не пообщалась, подругу потеряла, да ещё и выставила себе в дурном свете перед учительским составом. На что она, вообще, рассчитывала? Он никогда и не смотрел в её сторону. С чего бы сегодня должно было быть иначе?

Сам же Коул был пойман при попытке бегства. Его остановил мистер Хэкмут, подленько выставив подножку. От души посмеявшись, он рявкнул:

– Все палатки проверены! Кто попытается скрыться, получит вдвойне!

Беглецы невозмутимо продолжили свой путь, зная или надеясь, что тренер блефует. Запомнить отсутствие полусотни человек нереально. Но самые трусливые и доверчивые, на всякий случай, сдались с поличным – авось усач «не бздит».

Китен злобно стиснул зубы и принялся отряхивать испачканные джинсы, зыря по стононам. И тут его взгляд упал ни Билли, прятавшегося за чахлой спиной отца.

– Гнида, – произнёс он одними губами. – Ты – труп.

Пересчитав задержанных, преподаватели заставили их собрать мусор и потушить костёр. Затем выстроили в колонну и проконвоировали до палаточного городка. Тех, кто сам идти был не в состоянии, пришлось тащить волоком – то ещё удовольствие.

– Как ты тут, спящая красавица?

От неожиданности Честити подпрыгнула и уставилась на влезшую в палатку физиономию миссис Терноп.

– Ч-ч-что вы делаете?

– Быстро выходи.

– Что случи-ИК-лось? – «Всё отрицай».

– Так, дорогуша, – миссис Терноп осветила Тор ярким лучом фонаря, который так любила тыкать людям в лицо, – или ты выходишь, или мне придётся выволочь тебя силой! Тебя не было в палатке!

– Вы о-о-о-о чём? К-к-когда? Мож-жет, я... отходила в кустики...

– Я видела, как ты *отбегала* в кустики с той поляны, – ёрничая, соврала София.

– М-м-м... – Честити много стоило совладать с заплетающимся языком, – м-может, вы меня с к-кем-то спутали?

– Хватит препираться! – миссис Терноп не выдержала и схватила свою жертву за ногу. – От тебя разит, как от сапожника! Это ты в кустиках так накидалась?! Чем же, позволь узнать?

Честити опешила от подобной грубости и вырвала ногу из цепких лап ополоумевшей женщины. С видом, полным достоинства, она выбралась из палатки, с трудом удерживая равновесие. На улице её ждала картина из провинившихся школяров, выстроившихся в длинную шеренгу. Мисс Ньюстридж, тридцатилетняя преподавательница литературы, составляла список провинившихся. Она ещё помнила собственные безумные выходки, но уже знала, что за них придётся понести заслуженное наказание. Хэкмут распалялся, выплёвывая пламенную речь. Он горланил на всю опушку и виртуозно брызгал слюной, будто отчитывая «Пантер» после проигрыша ненавистным «Орлам». Переусердствовав, он разбудил мирно спавших тихонь и их родителей.

– Что тут происходит? – спросила заспанная Фиона Льюис, старшая сестра долговязой флейтистки Клариссы.

Когда-то и она училась в Ричвиль Хай Скул и завоевывала награды за виртуозную игру на фортепиано. Теперь стала признанной пианисткой, жила в Нью-Йорке и собирала толпы поклонников классической музыки на своих концертах.

Следом стали появляться и другие разбуженные благочестивые граждане в попытке выяснить, в чём дело. Но учителя были увлечены разборками с учениками, так что не торопились

кидаться в пространные объяснения. Больше всех разошлась София, хотя учительницей была едва ли.

– Посмотрим, что скажут твои родители, Сара!

– Не надо, миссис Терноп, прошу Вас, – взмолилась девочка. – Это... случайность, и больше такого никогда – никогда! – не повторится.

– Не повторится? В этом ты права, – она злобно сверкнула глазами и только открыла рот, чтобы извергнуть новую угрозу, как к ней обратилась Джессика Ньюстридж:

– Миссис Терноп, – она подошла к ней вплотную и тихо, чтобы никто больше не слышал, попросила: – Оставьте это дело ответственным лицам, пожалуйста.

– Если бы не я, милочка, – громко отчеканила София, – эти ответственные лица до сих пор бы спали, пока вверенные им детишки вытворяли чёрт знает что!

– Мы вам чрезвычайно благодарны за оказанное содействие, но наказание чужих детей не входит в вашу юрисдикцию.

Лицо мисс Ньюстридж было убрано снисходительной улыбкой, пока желваки миссис Терноп играли, как пинбольные мячики. Её отчитывала выскочка, которая во времена её бытности старшей вожатой лучшего отряда гёрлскаутов ещё под стол пешком ходила! «Содействие! Юрисдикция!» Но всё же училка была права, так что Софии нечего было сказать, и она пошла вымещать обиду на сыне – затолкала его в палатку и стала отчитывать за несвоевременное раскрытие заговора.

Необходимо было срочно решить, как поступить с учениками. Мистер Хэкмут собрал коллег в кружок, как на совещании во время матча, и они принялись выдвигать свои предложения относительно судьбы проказников.

Тем времени «детишки» продолжали стоять в ожидании наказания. Честити пошатывалась и пыталась не выплеснуть наружу содержимое взбунтовавшегося желудка. Она держала серьёзное лицо, но стоило встретиться взглядом с кем-нибудь из знакомых, как тут же начинала глупо хихикать, пока не понимала, что ещё чуть-чуть и её вырвет. Некоторые, находившиеся в соответствующем состоянии, облокотились на, по счастливой случайности, росшие рядом деревья. Кто-то присел на корточки, а один уже уснул в позе лотоса, свесив голову на грудь.

– И это элита школы, – усмехнулась Вики, толкая Милу в бок.

– Сейчас вы все до одного идёте спать, – заявила мисс Ньюстридж. – Поговорим завтра.

«Спать?! Завтра?! Поговорим?!» – негодовала София. – Она ещё и говорить с ними собралась! Драть их всех надо!» Миссис Терноп, полная праведного гнева, выскочила на улицу и поспешила нагнать учительницу, пока та не скрылась в палатке.

– И как это понимать? Не кажется ли вам, мисс, что подобные методы воспитания не окажут благоприятного воздействия на молодёжь? Иными словами, что за маразм?!

– Миссис Терноп, – устало вздохнула Джессика, – во-первых, это общее решение совета учителей, которое лично с вами обсуждаться ни коем образом не должно. И конечно, от вашего мнения зависеть не будет.

Лицо Софии вытянулось, рот превратился в куриную клоаку. Мисс Ньюстридж продолжала:

– Во-вторых, маразмом было бы наказывать их сейчас, когда треть просто невменяема. Завтра придут в себя и ответят за то, что сделали. Я удовлетворила ваше любопытство?

– Так... так... – закудахтала мать Билли.

– Спокойной ночи, – учительница исчезла палатке и резким движением застегнула молнию.

«Спокойной?! Что за безответственность?! И теперь они будут спокойненько спать?!» София решила нести вахту, чтобы больше никому не пришло в голову устраивать вечеринки. «И таким людям мы доверяем наших детей!»

Подростки разбредались по своим спальным местам, некоторых пришлось вести под руки, кого-то и вовсе вносили. Честити поторопилась в кусты, чтобы наконец-то выпустить на волю всё, что давно рвалось из её «внутреннего мира».

– И куда это ты думаешь идти, милочка, – миссис Терноп оказалась тут как тут.

Чес была не в состоянии ответить и только прибавила шагу – вот-вот и она не донесёт свои «сокровища». Но не тут-то было, София схватила хамку за руку, требуя ответа на поставленный вопрос. Тор мычанием и жестами попыталась объяснить, что это вовсе не лучшее время для беседы. Но женщина решила, что девчонка сбрендила от выпитого, и, схватив её за плечи, хорошенько встряхнула, чтобы привести в чувства. Такое потрясение организм Честити не выдержал, и всё, что она так стоически оберегала, мигом вырвалось наружу и окатило новенький костюмчик миссис Терноп.

– Извините, – промямлила Чес и бросилась в кусты довершить начатое.

София в ужасе оглядывала свою одежду.

– Вас просили оставить детей в покое, – строго сказала мисс Ньюстридж, пряча ухмылку.

– Не спится? – прорычала облёванная активистка.

– Я не лягу, пока дети не уснут.

Мать Билли раздосадованно поджала губы. «Значит, просто от меня спряталась в своей мерзкой палатке?..»

Джессика оставила её в одиночестве и отправилась узнать, всё ли в порядке у Честити. Потом проводила её и занялась остальными «болезными». Когда все были на своих местах, она ещё раз обошла каждый тент, подежурила минут десять – чтобы наверняка – и только после этого ушла спать.

Тем временем София успела переодеться и усердно искала, куда бы пристроить зловонный спортивный костюм. Выбрасывать его в мусорный пакет показалось слишком банальным. Размышления она совмещала с патрулём в надежде уличить кого-нибудь в бегстве и доказать учителям их неправоту и халатность. Но было тихо, никто не стремился нарушать покой и устраивать новое празднество. Вскоре начала докучать ночная прохлада. Раньше миссис Терноп было не до неё, но теперь адреналин отчалил на боковую, оставив «чудо женщину» зябнуть среди безмолвного леса. Вместо очевидного отхода ко сну мать Билли предпочла развести костёр. Она уселась подле него на брёвнышко и в нервном упоении потирала руки, чтобы быстрее согреться. И тут ей в голову пришла «отличная» идея, как избавиться от испорченной одежды. Недолго думая она бросила её в костёр, но тут же об этом пожалела. Синтетика стала плавиться, затуманивая округу чёрным едким дымом, смешивающимся с запахом поджаривающейся рвоты.

– Когда же вы наконец успокоитесь? – возмутилась мисс Ньюстридж, выбравшись из палатки и увидев виновницу зловония. – Вы пошли нам помогать или усложнять задачу?

Миссис Терноп ловила ртом воздух не в силах найти слова оправдания.

– Вы же взрослая женщина, в конце концов, – не унималась Джессика, пытаясь затушить огонь. – Если вам вздумалось жечь тряпки, делайте это подальше от палаточного городка. Или это извращённый способ наказания?

– Не заговаривайтесь, милочка, – гакнула София, готовая провалиться сквозь землю.

Остаток ночи прошёл без приключений. Все спали как убитые кроме неугомонной матери Билли, чьё уязвлённое самолюбие требовало сатисфакции и не давало забыться сном.

Глава 2

Наказание

Птичьи голоса рассеивали тишину спящего леса, сливаясь с то тут, то там раздающимся храпом. Сонное солнце медленно выбиралось из-за горизонта, хватаясь за размазанные по небу облака. Природа оживала, сбрасывала с себя холод и влагу и готовилась к новому дню.

Несмотря на бессонную ночь, подъём был точно по графику. Ровно в восемь мистер Хэкмут загорланил: «Подъё-о-ом!» – и учителя принялись расталкивать тех, кто плевать хотел на то, что кто-то там дерёт глотку.

Не успели детишки продрать глаза, как всех провинившихся выстроили на поляне для оглашения «приговора». Слово взяла чернокожая преподавательница информатики Присцилла Ноулз:

– Итак, первое: каждый напишет объяснительную. Вы должны указать, как вам удалось пронести столько алкоголя, чья это была идея, и почему лично вы в этом участвовали, – женщина сурово окинула взглядом присутствовавших и продолжила: – Мы не вернём вас досрочно только потому, что не собираемся портить отдых тем, кто не был замешан в вашем randevu.

– Включая себя, – тихо буркнула Честити.

– И запомните, наказание каждого будет зависеть от уровня откровенности его «эссе».

– Чем меньше вы раскроете тему, – улыбнулась мисс Ньюстридж, – тем строже будет наказание.

– А сейчас все делятся по половому признаку. Мальчики идут со мной, девочки – с миссис Гаджи, – подытожил мистер Хэкмут.

Сонные, не до конца протрезвевшие подростки жадно зевали и семенили за провожаемыми.

– Ну почему мы должны?.. – пробормотал Бэллон.

– Потому что, может, хоть так вы, сопляки, чему-то научитесь – отрезал тренер, еле удержавшись от звонкой затрещины.

Ребята разрозненной гурьбой волочились за Уиллом, пока девочки слушали указания тренера команды поддержки.

– Э! Тебе туда! – один из парней попытался вытолкнуть товарища из строя, намекая на его «женское начало». Тот сопротивлялся, отпуская шуточные ругательства.

– Заткнулись быстро! – на автомате рывкнул Хэкмут, не успев понять, что ему глубоко наплевать на возню этих двоих.

Коул Китен недовольно зыркнул на зажавшегося тренера и перевёл взгляд на палатки. Повсюду сновали радостные учителя, школяры и их родители. И тут он увидел Билли Тернопа, выбиравшегося из своей «берлоги». Мальчонка резко опустил глаза и сделал вид, что никого не замечает. Но от его взгляда не смог ускользнуть красноречивый жест Коула, проводшего пальцем по горлу – ясное дело, Тернопу точно кранты. С чувством выполненного долга Китен покинул поляну вместе с остальными нашкодившими пареньками.

Уилл Хэкмут привёл ребят на небольшое лесное озеро и заставил ополоснуться. «Наверно, надо было взять полотенца...» – он задумчиво почесал затылок, глядя на плескавшихся голышом сорванцов. Они окатывали друг друга брызгами, смеялись и ёжились от холода.

Миссис Гаджи оказалась прозорливее и наказала девочкам взять всё необходимое для утреннего туалета. Затем проводила их в запруду того же озера, отрезанную от обзора ребят

плотной стеной камышей и ежеголовника. Но для Питера Бэллона это не было преградой. Заслышав голоса девчонок, он обошёл помеху по мелководу и принялся крутить голым задом, срывая овации товарищей и испуганные визги жертв, пытавшихся прикрыться. Соня Гаджи тут же ухватилась за вечно висевший на шее свисток и дунула, что есть мочи. Пит резко скрылся под водой и забарахтался в иле. Когда до него дошло, что таким способом уплыть не удастся, он встал, обтекаемый жижей, и большими скачками вернулся на свою сторону с развевающимся барахлом.

Солнце быстро распалось и согревало округу, пока тёплый ветер с востока прогонял надоедливые облака. Лучи быстро высушили росу, пожалев лишь ту, что спряталась в тенистой чаще.

Глядя на мокрых юнцов, дрожавших от холода в остывшей за ночь воде, Хэкмут делал вид, что всё идёт по плану. «Будет им дополнительным наказанием – пусть помёрзнут».

– Все остаются на пляже, пока не высохнут! Больше никаких плесканий!

Ребята уныло выбрались на берег и стали ждать, когда солнце с ветром поработают над ними вместо фена.

Воспользовавшись моментом, тренер подозвал присутствовавших членов команды и учинил им допрос:

– Как вы могли так облажаться?! Вас теперь могут не допустить до матча!

Голые спортсмены виновато опустили головы, будто вторя своим причиндалам.

– Я, конечно, сделаю всё возможное, чтобы этого не произошло... Но вы порядком усложнили жизнь и себе, и мне!

Те понимающе закивали, так ничего и не ответив.

Близилось время завтрака. Желудки урчали, головы раскалывались, а сонное марево тасило обратно в палатки. Но делать нечего – провинившимся пришлось готовить еду на себя и всех остальных. Коллективными усилиями они заварили чай и кофе, начистили больше сотни заранее сваренных яиц и настряпали бутерброды. Те, кто не участвовал в ночных гуляньях, спокойно приводили себя в порядок и радовались жизни.

После принятия долгожданной пищи «тусовщиков» усадили за объяснительные, а невинные отправились купаться и загорать.

– Тернопу настала полная трында, – скрипел зубами Коул, выводя загогулины на бумаге. Его усилиями весть о «крысе» дошла до всех участников попойки, и большинство поддерживало его в желании отомстить. Но были и те, кто считал, что стоит оставить всё, как есть, чтобы не ввязываться в ещё большие неприятности.

Вскоре мисс Ньюстридж собрала работы, а мистер Хэкмут повёл ночных беглецов на место давешних бдений, чтобы убрать остатки мусора.

– Довольно предсказуемо, – бормотала Джессика, проверяя объяснительные. Уже десятая по счёту, а ничего информативного: «Я случайно услышал о вечеринке, не помню от кого. Это всё, что я знаю». – Тем хуже для тебя, – она сделала пометку на листе, отложила его и перешла к следующему. – Хм... а это уже интересно...

Она была почти уверена, что расколются отличницы, которые и впрямь узнали о «мероприятии» случайно. Мир слухами полнится, и они могли знать полезную информацию, которую не стали бы скрывать для спасения задниц разгильдяев. Но единственное «эссе», раскрывшее «тайну прошлой ночи», принадлежало перу Джея Фокса.

«Мы ещё в школе распределили, кто сколько выпивки понесёт. Всё покупал Лесли Вермут по поддельному удостоверению. Перелили в пластиковые бутылки и сунули в подкладки рюкзаков. Пиво оставили в стекле, как было. Проложили тряпьем, чтобы не звенело. Всем рулили Питер Бэллон, Джереми Чейс, Вик Полок и Лесли Вермут. Они давали поручения, всё

организовывали и планировали. Я не имею к этому никакого отношения. Не говорите моим родителям. Отчим меня изобьёт. Умоляю. Пусть моё объяснение останется тайной».

Мисс Ньюстридж несколько раз перечитала «сочинение», не веря своим глазам. Главную звезду школьного театра избивает приёмный отец? С виду такая приличная семья. Да и Джей-то не похож на жертву домашнего насилия. Он ростом со своего отчима, и сложно поверить, что не может дать отпор.

– Есть что-то интересное? – Присцилла Ноулз выросла будто из-под земли. – Может, я тоже поучаствую?

– Нет, спасибо, – нарочито безмятежно ответила мисс Ньюстридж и взяла новую работу, чтобы прикрыть писанину Фокса. – Всё вполне предсказуемо – ничего не знаю, никому ничего не скажу. Скоро уже закончу.

Джессика с облегчением выдохнула, когда преподавательница информатики не стала ей докучать, и ещё раз пробежалась по тексту. Стоило поговорить с самим автором, прежде чем что-то предпринимать. Но для начала она дочитала оставшиеся работы, среди которых была ещё парочка, с упоминанием способов организации праздника, но довольно поверхностным и без указания на личности.

Уставшие и вновь голодные ребята вернулись с импровизированного субботника. Пакет с мусором отправился к остальным отходам, которые планировалось вывести с территории леса по завершении похода.

– Джей, – Джессика осторожно отозвала Фокса, чтобы не привлекать внимания остальных, – можно тебя на пару слов?

Тот сразу напрягся и быстро последовал за ней, надеясь остаться незамеченным. Они уединились за широким стволом старого дерева, стоявшего поодаль от поляны. Мисс Ньюстридж вздохнула и осторожно произнесла:

– Честно говоря, я не знаю, с чего начать. У меня небольшой опыт в таких делах, но я вижу, тебе нужна помощь.

– Мне не нужна помощь, – зашипел мальчик. – Я прошу только не говорить ни о чём моим родителям.

– Э—

– И остальным – что я их сдал!

– Это довольно проблематично, Джей. Мы не можем закрыть глаза на заявление ученика о том, что его избивает отчим.

– Меня никто не избивает. Ничего такого я не писал.

– Но как же? Вот ведь, – Джессика ткнула пальцем в лист: – «Отчим меня изобьёт».

– Вы всё неправильно поняли... – затараторил Фокс. – Это если он узнает... Меня никто не бьёт...

– Джей, послушай. Я понимаю, тебе страшно, но ты не должен его покрывать. Если ты всё расскажешь, мы сможем тебя от него оградить. Иначе как ты себе это представляешь? Я должна просто сказать всем преподавателям, чтобы они молчали? На основании чего?

– Больше никто не читал?

– Нет, пока только я.

– Ну скажите им, что я сделал «явку с повинной», – нервно хмыкнул Джей, – и что это повод снять с меня все обвинения.

Он резко вырвал листок из рук Джессики и, порвав его в клочья, спрятал в заднем кармане. Мисс Ньюстридж вздрогнула от неожиданности. Она уставилась на паренька, на его побледневшее лицо и бегающие глазки.

– А я напишу новую объяснительную, – проблеял он.

– Я не могу молчать о том, что тебя терроризирует отчим. Позволь помочь—

– Никто меня не терроризирует! Просто родители сказали, что не купят мне машину, если я буду плохо себя вести. Я всё выдумал! Ясно?

Джей развернулся и пошёл прочь, нервно сжимая кулаки.

Джессика в полной растерянности проводила его взглядом. Мысли опережали одна другую, но никакая из них не казалось верной. Успокоившись, мисс Ньюстридж подошла к Фоксу, который уже чистил картошку для обеденного рагу, и молча всучила ему чистый лист. Присутствующие уставились на Джея в ожидании объяснений. Он прикинулся валенком и быстро отшутился:

– Видимо, ей не понравилось, что я послал их всех к чертям собачьим в прошлой записулке.

Пока в котелках варилось рагу, мистер Хэкмут собрал «осуждённых» и сообщил им о своей неудовлетворённости их «сочинениями» на тему «Как я провёл прошлую ночь». В связи с этим их ждал семимильных бег с препятствиями. Все с завистью смотрели на счастливицков, которым удалось скрыться с вечеринки незамеченными. Некоторые из них сочувствовали «арестантам», пока другие откровенно смеялись им в лицо.

«Вечером Тернопу несдобровать», – думал Коул начиная вынужденную пробежку и поглядывая на свою жертву.

А Джессика читала новую работу Фокса, будто под копирку слизанную с остальных. «И что мне делать?...» Она понятия не имела, чему верить. Бьёт ли мальчика отчим, или он и правда всё выдумал? Взвесив все «за» и «против», мисс Ньюстридж решила смолчать. Хотя бы пока не удастся что-нибудь выяснить. Имена главных виновников она тоже утаила, сочтя, что хоть пастухи и в ответе за то, куда пошло стадо, люди не должны быть овцами.

– Мы вчера, кажется, не закончили, – Питер догнал Сашу, которая намеренно держала дистанцию.

– Мне кажется, мы более чем закончили, – сказала она и прибавила шаг.

Но Бэллон не отставал.

– Что-то не так?

– Да нет, я вполне нормально отношусь к тому, что парней от меня как ветром сдувает.

– А... тебя расстроило, что я так смылся?

Саша хмыкнула и ничего не ответила.

– Извини... это... это, наверное, инстинкт самосохранения или типа того... ну... и... я был пьян, вот так и вышло... сам не знал, что творю...

– Что же тогда ты тут делаешь, если тебе удалось сбежать?

– Преподы запомнили, что меня не было в палатке, – фыркнул Пит, – и выволокли нахрен, когда вернулись на поляну.

– Не повезло, – сказала Саша, даже не стараясь скрыть радость.

– Да уж...

– Бегство было излишним, – не унималась она.

– Могу я рассчитывать на твоё снисхождение?

– Рассчитывать-то ты можешь... но я ничего не обещаю.

– И на том спасибо, – Питер вновь вспомнил про свою интонацию для обольщения юных прелестниц, но сбивающийся от бега голос звучал не очень убедительно. Скорее даже забавно. Это развеселило Сашу, и она принялась смеяться, не обращая внимания на удивление собеседника.

Её хохот оборвала мелодия телефонного звонка. Она тут же полезла в карман за мобильным с символикой школы, служившим частью обмундирования «золотой сотни».

– Привет, мам!

Бэлон недовольно вздохнул и продолжил бежать рядом, как блудливый пёс в ожидании мозговой косточки.

«Разговорчики в строю» велись не только Сашей с Питером, Честити и её товарищ Дин Сандерс обсуждали проблемы многострадальной Тор.

– Она меня достала. Подумай сам, как можно быть такой лицемерной?! Сара вечно делает вид, что самая умная и благоразумная. Но я-то всё вижу! Она творит всякую фигню потому, что сама этого хочет – не из-за меня, заметь. Но – НО – сваливает в итоге всё на меня, будто бы это я её подговорила, потащила, заставила! Ага, да, конечно, с дулом у виска стояла. Короче, сваливает всю ответственность на меня. Удобно, правда? А сама такая типа вся правильная, спасительница моей заблудшей души, всё такое. Собственно, что и вчера пыталась протащить: типа пошла на вечеринку только из-за меня, чтобы быть рядом, помочь, уберечь и бла-бла-бла. От чего только – непонятно. Нудила всю дорогу, вот я и не выдержала.

– Да, Рейн всегда выдавала себя за кого-то другого... – протянул Дин, понятия не имея, о чём толкует девчонка. Он всё слушал, слушал и пропускал мимо ушей. Его больше интересовали груди собеседницы, ритмично подпрыгивавшие при беге.

– Она вся в свою мать. Знает, как правильно, всех поучает, а при удобном случае делает по-своему. Так и ладно бы, но вину-то сваливает на кого-попало! А у Сары этот кто-попало – вечно я! Но всё, хватит – нахавалась.

– Да, родители сильно влияют на детей...

– Но надо свои мозги иметь, не? Она же до сих пор делает вид, что не понимает, что произошло, и какого я на неё так обиделась, прикинь? Спрашивает меня, типа, «а что случилось?» – Чес начала кривляться в приступе жалкой пародии на бывшую подругу: – «Ну и что, что я не рассказала тебе про Китена?» Прикинь! Она или полная дура, или отлично ей притворяется.

– Так в чём дело-то? – осторожно уточнил Дин, окончательно запутавшись.

Чес сбросила скорость и с возмущением уставилась на парня.

– Ты серьёзно?

– Э... ну... я так понял, что ты разозлилась из-за того, что она использует тебя, чтобы прикрыть свои грязные делишки? А при чём тут Коул?

– «Прикрыть грязные делишки»? – усмехнулась Честити. – Ну, типа того. А Коул тут в качестве очередной причины, из-за которой она пыталась запудрить мне мозги на этот раз.

– Понятно... – пробормотал Сандерс, так ничего и не поняв.

– Интересно, какой бы она была, если бы не её мамаша?

– А?

– Ну, как ты думаешь, люди уже рождаются с какими-то качествами, или это всё воспитание?

– Не знаю... может, и то, и другое?... Например, Сим.

– Ну.

– Ну вот они – близнецы, но совсем разные, хотя и воспитывались одними и теми же родителями.

– Тогда это доказывает, что всё заложено изначально.

– Не, тогда бы воспитание вообще не имело значения... наверно...

– А может, оно никак и не влияет, а? Мы же не можем сравнить одного и того же человека при разном раскладе.

– Но, по идее, – Дин всё думал о сестричках Сим и их «близняшках», – и генетический материал у них идентичный...

– Может, вопрос не только в «материале»? Душа там какая-нибудь.

– Короче, я не знаю...

Сандерс не был склонен к пространной философии, он тяготел к точным наукам и среди цифр и формул ощущал себя как рыба в воде. А сейчас беспомощно барахтался в потоке мыслей и слов своей болтливой собеседницы.

– Знаешь, я иногда думаю, какой бы я стала, если бы у меня не было родителей. Может, всё сложилось бы по-другому? На меня бы не давили их запреты, и... я была бы... свободнее, что ли...

– Ты меня извини, – Дин чуть ли не подавился, – но я помню время, когда их запреты не действовали.

– Я не об этом, – Чес злобно сверкнула глазами. – Я про внутренние запреты. Которые ограничивают мою душу, а не тело.

«О чём она?!» – взревел вскипевший мозг паренька.

– Но запреты идут и от общества, – брякнул он наугад, вспомнив последнее обсуждение нравов Европейского Средневековья на уроке истории.

– Да... ты прав...

Дин просиял. «Красава». Ткнув пальцем в небо, попал именно туда, куда стоило метить. Чес замолчала и погрузилась в раздумья.

– Я со следующей недели иду работать в Глумаркт, – сообщил Сандерс, когда молчание слишком затянулось.

– М...

– Мистер Чен обещает мне пятидесятипроцентную скидку на весь товар.

– А зарплату он тебе обещает?

– Ну... да... небольшую...

– Он тебя использует, Дин. Ты не в курсе, что у него никто долго не задерживается? Думает, что мы все глупы донельзя.

– Кто мы?

– Да подростки. Малолетки, как он нас называет. Сама слышала. Ну, насчёт некоторых оказывается прав... Короче, он вечно будет находить недостатки, которых не существует, вычитывать с тебя, в итоге ты ему окажешься ещё и должен.

– Думаешь?

– Иногда, – засмеялась Чес.

– Что иногда?..

– Думаю иногда. В отличие от некоторых...

Чуть поодаль бежали Джереми, Вик и Лесли, которых Джей Фокс упоминал в своём «докладе».

– Я не собираюсь так рисковать, мы уже попали, – чуть ли не шептал капитан «Пантер» Джереми Чейс. – Тебе-то, Вермут, ничего – дерёшь глотку и ладно, а нас и так могут отстранить, но пока тренер обещал впрячься, так что, может, пронесёт. Хотя мы ещё не знаем, сдал ли нас кто-нибудь в своих «мемуарах».

– Ну и хер с тобой, – бросил Лесли и свернул с тропинки, протаривая новую дорогу к месту ночного веселья.

Добравшись до поляны, он нашёл кусты, в которых были спрятаны остатки алкоголя, припасённого на опохмел – только последний идиот сдал бы преподам всё подчистую. Вермут откупорил бутылку пива, залудил её несколькими глотками и посмотрел на небо. Чистое, лазурного цвета, с распластавшемся ярким солнцем. Воздух свежий и приятный, будто созданный для того, чтобы дышать полной грудью. Лесли вдохнул и расплылся в безмятежной улыбке.

Этот разгильдяй был известен всей молодёжи Ричвиля как солист школьной рок-группы «Дор-Блю». Он был бунтарём и не признавал правил. По крайней мере, так о себе заявлял. Никогда не прочь выпить и побеспрядельничать. Не гнушался запрещённых препаратов, за

что отчасти получил своё прозвище – ЛСД, которое расшифровывалось как «Лучший Среди Других». «Другими» называли тех, кто не попадал под общественные стандарты. Девочки просто визжали от него, особенно неоперившиеся малолетки и те, кто не осознавал ценность морали.

Название группы брало истоки у любимого вкусового сочетания вокалиста, перекликающегося с фамилией: Лесли превосходно себя чувствовал, попивая вермут вприкуску с сыром Дор Блю. Такое, можно сказать, элитарное пристрастие ему привили родители, не подозревавшие, что их сыночек таскает пойло из шифоньера. Они были очень состоятельными людьми, хотя их отпрыск предпочитал отождествлять себя не с зажавшимся мажором, а с ребёнком из неблагополучной семьи, отец которого отбывает не первый срок, а мать прикладывается к бутылке и таскает в дом вонючих дальнобойщиков, заставляющих её визжать, как свинью резаную. Такой образ ему казался ближе его душевному укладу и духу группы, название которой хоть и брало истоки там, где брало, расшифровывалось вполне конкретно: сокращение от «Дорогая, блюю». Так просто и приземлённо. В этом был весь Лесли: сегодня в кожаном кресле пьёт вермут с Дор Блю, а завтра уже блюёт на очередной девке, готовой раздвинуть ноги по первому щелчку пальцев.

Он вечно играл на грани и впадал из крайности в крайность, вторя досадному мезальянсу между внешней гармонией семьи Вермутов и внутренним разладом. Огромный дом, машины, деньги и связи. Жестокий тиран отец, подавлявший всех авторитетом и угрозами лишиться финансовых дотаций. И мать – слабовольная неврастеничка, вымещавшая недовольство жизнью на нерадивом сынке, презиравшем их обоих.

Часто Лесли запирался в своей комнате и подбирал аккорды любимых песен «Нирваны». Он представлял себя живущим во времена Курта Кобейна и Ривера Феникса, почившего от передозировки. Внутреннее стремление к смерти, как говаривал Федерн, мортидо, толкало Вермута на «передозировку» везде и всегда. Он не знал меры ни в чём: будь то алкоголь, сигареты, женщины или наркотики. Он мог смеяться до потери сознания или впадать в депрессию сравнимую с апокалипсисом. Его часто посещали мысли о самоубийстве. Останавливало одно – он ещё не достиг того уровня, чтобы уйти, оставив след в сердцах людей навечно. Это было единственным, что казалось стоящим, – сотворить то, что переживёт поколения и заставит помнить тебя всегда. Создав это, можно и умереть.

Когда все вернулись с пробежки, Лесли уже сидел поодаль от палаточного городка и что-то воодушевлённо брэнчал на гитаре.

– Я смотрю, ты быстро бегаешь, – Хэкмут заподозрил неладное.

Тот кивнул и продолжил играть.

– Эй, Вермут, я, кажется, к тебе обращаюсь!

– Я сделал ваш дурацкий кросс, что ещё нужно? – бросил парень, не отрываясь от струн.

Датчик кипения Уилла начал зашкаливать, что отчётливо показали его встопорщившиеся усы; но его позвали на обед, и голод пересилил злость. Оно и ладно, связываться с этим сорванцом было себе дороже: в конце прошлого года ему перешёл дорогу преподаватель биологии, поставив за итоговый тест неуд – вскоре школа лишилась одного из биологов, которого якобы поймали на взятке, а Вермут окончил курс с отличием. Его отец не поощрял выходок сына, но когда речь заходила о престиже семьи, он использовал всё своё влияние, чтобы крайними оказались не её члены. Так что лучше перекус, чем топорщащийся ус, как говаривал дед «малыша» Уилла.

Лесли благоговейно перебирал аккорды, то и дело заглядывая в свой блокнот, и что-то там записывал. Он явно был под каким-то допингом, будь то алкоголь, наркотики или вдохновение. Или первое, второе и третье вместе взятое.

Все, кроме него, уселись обедать. Билли Терноп ютился возле палатки и чувствовал себя ещё большим изгоем, чем обычно. А такое довольно сложно представить. Коул взял порцию

рагу и решил расположиться в тени раскидистого орешника на краю поляны, подальше от глупых замечаний учителей и несмешных шуток ботанов. Проходя мимо Билла, он смачно шмыгнул носом, собрав всё содержимое его недр, и метко харкнул прямоком в середину миски недруга. Тот вздрогнул.

– Жри, паскуда, или хуже будет, – процедил Китен.

Билли уставился на него испуганными глазами из-за огромных очков и сидел не шелохнувшись.

– Жри, я сказал.

Дрожавшая в руке алюминиевая ложка зачерпнула немного рагу с самого края тарелки. Коул покачал головой.

– Не там.

Силясь не разразиться рвотой, Терноп сделал новый «подход» и медленно поднёс ко рту порцию с желтоватой харчой.

– Жуй, – бесцветно произнёс Китен, когда кривящиеся губы Билли сомкнулись.

Бедняга, приступил к выполнению приказа. Он зажмурился. Тело била мелкая дрожь, лоб покрылся испариной. Но он жевал. Жевал, не переставая. Когда Билл открыл глаза, Китена уже не было. Тогда его вырвало обратно в миску.

Он уставился на свой недообед и стиснул зубы.

Билли проклинал всех. Всех и вся. Он ненавидел. Ненавидел Китена; остальных парней, считавших его ничтожеством; себя за то, что был этим ничтожеством; девочек, не обращавших на него внимания; и учителей, видевших в нём прилежного ученика, не имевшего права на ошибку. Но больше всего он ненавидел Софию и Джозефа, породивших его на свет. Это они обрекли его на страдания и страшные муки, они сделали из него того, кем он быть не хотел ни единой минуты своей жалкой жизни. Они всегда стремились к тому, чтобы сын уважал их, но добились лишь страха. Да, он их боялся. Боялся того чувства неполноценности, которое они в нём вызывали. Чувства неуверенности и психостении. Это было намного сильнее трепета перед сильными мира сего в лице Китена и других амбалов. Каким бы мерзким это ни казалось, но поедание соплей было цветочками. Если бы София приказала ему съесть испражнения, он бы подчинился. Но подумайся это сделать Китен, Терноп предпочёл бы избиение за отказ.

Пока очкастого харчеглота колбасило от внутренних демонов, Коул уселся поудобнее в приятной прохладе ветвей, прятавших зелёный пригорок от яркого солнца. Он наворачивал сытное рагу и лелеял сладость первой мести. Одним плевком Билли не отделается, это уж точно, но для начала вполне сойдёт.

– Не помешаю? – прервала его ликование Сара. «Ведь это ничего не значит? Просто поболтаем по-дружески... Всё равно Чес со мной больше не разговаривает – терять нечего...»

– Да нет... – тот неуверенно пожал плечами.

– Устала от этого гвалта.

– Да... я тоже...

Рейн опустила рядом на травку. Её взгляд украдкой пробежался по Китену и демонстративно устремился в сторону костра, вокруг которого кишели якобы доставшие её люди.

И среди этих людей была Честити. Она с обидой наблюдала за бывшей подругой, радовавшейся преимуществам, возникшим благодаря их размолвке. Она не слушала трёп Дина и других товарищей, её мысли были захвачены до гениальности банальным планом мести. И даже старая вражда и отвращение к Китену не могли стать серьёзной преградой.

Коул быстро доел внезапно опресневшее рагу и покинул место нарушенного уединения. Он был далёк от того, чтобы общаться с девушками без задних мыслей. На беду Сары, она его на эти самые мысли не вдохновляла. Девочка осталась сидеть в одиночестве с видом полным достоинства и непробиваемого спокойствия, но внутри всё клокотало. От обиды, стыда и

разочарования. «Если вся школа знает, то и он тоже... Поэтому его как ветром сдуло? Какой позор...»

Помыв миску, Коул стал собираться на новое наказание Хэкмута, как вдруг на него налетела Честити.

– Ой, извини, – улыбнулась она. – Я сегодня что-то неуклюжая какая-то.

Китен молча пожал плечами и хотел было идти дальше, но Чес положила руку на его грудь и с восхищением пролепетала:

– Ничего себе – вот это мышцы!

Глаза Китена превратились в два блюдца, а изо рта вытекло медленное «ладно...». Он убрал руку девушки, уже начавшей наглаживать его пекторальные мышцы, и поторопился ретироваться с выражением лица человека, случайно заглянувшего в дурдом.

Честити нахмурилась. Она ожидала более продуктивных результатов. Ей нравилось тешить себя мыслью, что Коул к ней равнодушен и не решался проявить свои чувства только из страха обидеть лучшего друга. А выходка с фото? – Так это всего-навсего попытка незрелого юнца обратить на себя внимание, это ж и ежу понятно. В альтернативной реальности Чес Китен должен был моментально ответить взаимностью на её любовный порыв. Но, по всей видимости, в этом мире дела обстояли иначе, и самые банальные идеи о том, что Коул не очень-то расположен к Тор, трюк с фото в стиле ню – реальный акт мести, а не неумелая попытка флирта, оказались правдой.

Впереди ждал новый этап расплаты. Тяжкий физический и крайне бессмысленный труд. Упал – отжался. Нет чтобы воды в ведрах потаскать, подмести лес, прополоть грядки. Худосочные дохлеротики и жиробасы со стеклянными глазами приступили к изнурительной попытке, поглядывая на спортсменов и убеждённых качков, наклеивших самодовольные ухмылки. Девочки виртуозно имитировали – как могут имитировать только самые прекрасные дамы – бурную деятельность и опускали колени на землю, пока Хэкмут и Гаджи отвлекались на более интересные объекты флоры и фауны. Хотя что может быть интереснее страдающих учеников?

На задворках спорт-группы маячили Линдси и Моника, перманентно освобождённые от занятий физкультурой. Первая мучилась астмой, вторая вечно ходила с соплями и температурила при любом сквозняке. И как до сих пор не слегла в этом походе? Открыть рот, чтобы напомнить о своих недугах преподавателям, оказалось выше их сил.

– С вас и кросса хватит, – опомнилась Гаджи.

Кросса! Такому кроссу порадовались бы и все остальные – вместо бега они устроили себе необременительную прогулку, насладились чистым воздухом и ароматами леса. Даже успели заглянуть в кустики, добавив и своих ароматов.

– И чего вы попёрлись на эти танцульки? Вы и дышите-то с трудом.

Подружки виновато отползли в сторону и примостились на брёвнышке.

После схождения десятого пота наступила пора нового задания, и полумёртвые любители ночных вечеринок перевернулись на спину.

– Двести подъёмов на пресс! Двести! Ясно? – громко выплёвывал каждое слово Хэкмут из-под нуждавшихся в стрижке усов.

– Сколько? – прошипела Талинда, растёкшаяся по земле, как желе.

– Кто не понял, делает триста!

Талинда поняла, но не могла сделать и одного. Она и на спину-то повернулась едва ли. Чудом без домкрата. Отжимания для неё закончились на первой же попытке. Оба тренера переглянулись и решили закрыть на это глаза.

К вечеру «ночные зажигапочки» значительно поугасли и были выжаты как лимон. Тёплые уютные спальные мешки и надувные матрасы манили своим несравненным очарованием.

Но какой сон на пустой желудок? Полуживые и голодные они сидели вокруг костра или ютились поодаль с тарелками в руках.

Коул злобно перемалывал пищу, с каждым жевательным движением сильнее ввинчивая полный ненависти взгляд в Тернопа. Он так усердствовал, что при желании можно было услышать скрип его зубов. У Билли этого желания не наблюдалось. После обеденного «угощения» он тёрся возле маминой «юбки», прячась под куполом её удушающей заботы. Ну и что, что у Китена руки чешутся? «Пусть почешет ими свой зад». Плевать, что потом влетит вдвойне. Плевать? Не так чтобы очень, но на осознанное избиение пойдёт разве что идиот.

Саша поглядывала на Питера. Он весь день увивался хвостиком и говорил так много, что человеческие уши и особенно мозг не могли справиться с таким наплывом бессмысленной информации. Этот утомительный словопад в пику привычной Леоновой статистике не отбил у неё физического влечения. Она не раз натыкалась на бульварное чтиво в красивой обложке, приоткрыв которую хочется оставить книгу на прилавке или выкинуть на помойку с глаз долой. Но сегодня руки сами тянулись полистать странички, не читать, просто потрогать их, вдохнуть аромат и насладиться формой, навалив большую кучу на содержание. Чтобы его не было видно. И слышно.

То, что руки Саши были заняты едой, оказалось весьма кстати. Их срочно нужно было куда-нибудь пристроить, как и рот, будто специально придуманный для поцелуев и внесения ценных органических вкладов.

Питер с остервенением наворачивал кормёшку, словно тоже кому-то угрожал, хотя в отличие от Китена, конкретной жертвы не обозначил. Взгляд Саши то и дело падал на его мощные руки, выверенными движениями подносившие миску с ложкой ко рту. Он ел, как настоящий мужик, можно сказать, жрал – и звучало это гордо. Странно что не руками с дубинкой за пазухой. При каждом движении под кожей играли крепкие мышцы. Сосредоточенное лицо; рот, боле не исторгавший маразматические словеса, а усердно пережёвывавший пищу, чтобы доставить энергию этому стальному телу.

«Я схожу с ума... – пару мгновений Саша не могла оторвать взгляд от попытки Питера выковырять застрявшую в зубах дребедень. – Готова смотреть на него вечно. Только бы он молчал...»

– А ты чего не ешь? – как пить дать назло раскрыл рот Питер и вывел Сашу из транса.

– Ем... – спохватилась она и уткнулась в тарелку.

После ужина любители потухнуть расползлись по палаткам, остальные примкнули к костру, поближе к эпицентру событий. Кто-то сидел на брёвнах, кто-то расположился на подстилках, некоторые с комфортом погрузили задницы в раскладные стулья, а парочке повезло развалиться в надувных креслах – цивилизация. Когда все разместились, Лесли провёл по струнам и отправился в далёкое плавание по волнам музыки. Порой эти волны были похожи на цунами и от них конкретно штормило. Особо чувствительные корчили рожи и ждали следующей песни, пока ценители подпевали, как умели, и бултыхались в тех же пучинах, по гребням которых мастерски сёрфил солист. Коренастый мистер и синеглазая миссис, считавшие музыкой исключительно то, что играли годах эдак в восьмидесятых, получили культурный шок и будто израненные скрылись в палатке.

– Я смеюсь вам в лицо, придурки, пляшущие под дудку того, что зовут демократией, – рычал Вермут вслед «пострадавшим».

Его харш был всем харшам харш. Не то что у сопляка из соседнего гаража, который мог бы подзаработать на озвучке кострируемых котов – если б за это платили. Пару лет назад малец переехал из Сиэтла и не без гордости заявил, что там у него была своя группа. Здесь, в Ричвиле, он также не собирался отказываться от музыки. Лесли имел глупость предложить ему попробовать на подпевку – или подвывку – в «Дор-Блю», на что получил возмущённый ответ: такой талант может быть только солистом. Вскоре паренёк устроил прослушивание в свою собствен-

ную новенькую рок-группу, ещё не родившись, получившую название «No Smoking». Весть о том, что так же называлась банда «какого-то там» Кустурицы, чуть не разбила его пламенное сердце. Выбрав гитариста, клавишника, бас-гитариста и ударника, талант всея Сиэтла с редким именем Габэгабо, означавшим Вечно Стоящий – что породило немало забавных толкований – назначил первую репетицию. Она же оказалась и последней в данном слабонервном составе, не вынесшем трэша Габо. И в данном случае «трэш» не имел никакого отношения к стилю. Паренёк надрывался и драл глотку, выхаркивая нечто, в словаре Даля обозначенное словом на букву «г».

После дебютного провала Габэгабо ещё долго искал новых желающих вступить в уже начавший становиться легендарным «No Smoking». Со временем набралось три отчаянных, игравших примерно так же, как он пел. Роль гитариста Габэ взял на себя, так и не найдя ни одного добровольца. В итоге горе-солист окрестил это удачей, ибо любой рокер должен уметь играть на гитаре. Хоть он и не умел.

Когда вечер плавно отдал концы ночи, Лесли завершил выступление песней P.O.D. «Youth of the nation». Чаща наполнилась хором, вторивших вокалисту голосов. Подростки самозабвенно горланили, следуя за своим «пастырем». С последними аккордами учителя стали загонять подопечных на боковую, и те неохотно поползли на свои места.

– Этой ночью, дорогие мои, вам улизнуть не удастся, – с до противного самодовольным видом сказала Гаджи. – Мы будем дежурить и следить за вами. И если хоть один умник высунет нос из палатки!!!

На этот раз Тернопа пронесло, мамино крылышко укрыло его тщедушное тельце, по которому плакали кулаки Китена. Тот продолжал прожигать его взглядом, в котором читалась угроза неминуемой расплаты. Расплаты бывшей лишь вопросом времени – рано или поздно доносчик получит своё.

Честити и Сара весь день не разговаривали. Прошлая ночь также прошла в безмолвии, покрытом источаемым Чес перегаром. Всё было просто и понятно – она была пьяна, она хотела спать. Сегодня же обе пребывали в своём уме и прикладывали невероятные усилия, чтобы бок о бок в тесной палатке сохранить невозмутимый вид и не проронить ни слова.

Саша зашагала к большому тенту, который делила с ещё тремя девчонками: сестрами-близнецами Кэти и Мартой Сим из принимавшей её семьи и соседской девочкой Хлоей, обильно усыпанной веснушками. Сестричкам Сим посчастливилось избежать вечеринки и последующего наказания. Их молодые люди, не вошедшие в «золотую сотню», запретили им принимать участие в этой вакханалии, о которой им стало известно от капитана Джереми Чейса, по совместительству одного из организаторов попойки. Алекс Бобс сдувал с Кэти пылинки и держал её на коротком поводке. Ему пришлось взять свои тугие яйца в кулак, чтобы отпустить её в поход. Парень же Марты требовал от неё гораздо меньшего и ждал взаимности в этом вопросе, но позволить своей девушке ужраться и валяться облитой пивом и спермой было выше его сил. В любом случае, Марта скорее оказалась бы под грудой книг, чем насаженной и в хвост, и в гриву, и без всяких запретов осталась бы храпеть в палатке. А вот Хлою не обременяли никакие обязательства, так что она оторвалась по-полной и весь день страдала от жуткой мигрени.

– Я видела, Питер всё время за тобой увивался, – сказала она, надевая ночнушку.

– Правильно видела, – Саша расплылась в улыбке – мигмом вспыхнувший образ Бэллона был почти так же хорош, как оригинал.

– Ты же понимаешь, что он не просто поболтать хочет?

– А у меня такое ощущение, что только это ему и нужно, – прыснула девушка.

Хлоя с удивлением подняла брови.

– В смысле?

– Я вроде не маленькая и в курсе, что нужно парням. Но этот только и делает, что трещит хуже соседской старухи на лавочке.

Брови Хлои снова взлетели вверх.

– Миссис Бишоп уже два года как парализована и не выходит на улицу, да и говорит-то с трудом... а других старушек поблизости у нас нет...

Ох уж эти трудности перевода!

– Не думай об этом. Короче, он постоянно говорит, говорит и говорит.

– Да, это похоже на него... Но, поверь, как перейдёт к делу и начнёт тебя... иметь, так и будет постоянно иметь, иметь и иметь... Так же нудно, как и его монологи.

– Слушай Хлою, – фыркнула Кэти, – она знает в этом толк.

– То есть ты и Питер?.. – Саша открыла рот от удивления.

– Нет... я ещё вообще не... – замялась Хлоя.

– Она и понятия не имеет, о чём говорит. Земля слухами полнится, вот она и делится сплетнями, которые распускают обманутые и покинутые. Да, Пит туповат, но такие, как он, созданы не для разговоров. Спроси сестру Клариссы, она тебе скажет, в чём он мастер.

– Клариссы Льюис? Фиону? Пианистку? Так ей же лет двадцать пять!

– И? – усмехнулась Кэти, проводя ватным диском по густо покрашенным ресницам. – Она ещё не совсем стара для этого.

– Уж Кэти-то точно знает, о чём говорит, – пробормотала Хлоя.

– Не завидуй, – парировала та.

Кэти давно провела бы с Бэлоном не одну «беседу», если бы не её любвеобильный ревнивец Алекс.

– Я понимаю, что у вас тут животрепещущая тема, но не соизволили бы вы заткнуться и дать мне поспать? – заскрипела Марта, натягивая одеяло на голову.

Глава 3

Пропажа связи

Тёмное небо пестрело яркими звёздами, наблюдая за засыпающим лесом. Потихоньку звуки в лагере стихли. Лишь в некоторых палатках слышался шёпот девчонок или приглушённый смех ребят. Хэкмут и Гаджи патрулировали местность, чтобы никому не вздумалось повторить давешний «подвиг» или навестить прекрасный пол. Всё было спокойно. Изредка появлялись желающие справить нужду, непременно возвращавшиеся после завершения миссии.

Алкогольные тайники тщетно дожидались своих хозяев, пока те беспомощно томились в вынужденной разлуке. Временами то тот, то другой выглядывал из палатки – одним глазком, чтоб не заметили – и уныло скрывался обратно, учуяв грозного надзирателя.

Учительский патруль принёс с собой и другую беду. Далеко не у одного половозрелого юнца намечался поход в гости к прелестным дамам. Возможно, они бы поболтали – хотя бы для приличия или прикрытия истинных причин совместного времяпрепровождения. Потом одни бы ограничились поцелуями или почти что невинными шалостями. Другие же пустились бы во все тяжкие, а не сидели, как старые импотенты с костяшками домино.

Питер Бэлон нервно повернулся на бок. Потом на спину и стал сверлить тёмный нейлоновый полог. Снаружи было тихо. Кругом по соседним палатками лежали девочки в своих пижамах или, может, даже голышом. По крайней мере, под своими шмотками они точно были обнажены. И в одной из этих палаток была Саша. А чем она занималась? Наверно, в мыслях о сегодняшнем дне, наполненном ухаживаниями Питера, опустила руку в трусики? Так, невзначай – ничего пошлого. Если только чуть-чуть. Или она обсуждала с подружками его привлекательность? В любом случае, Питер снова повернулся на бок, на спину, на другой бок, откинул одеяло и метнулся к выходу.

– Пум-пурум-пум-пум, – донеслось снаружи и перечеркнуло отчаянный план напрочь.

Хэкмут сладко зевнул и продолжил бурчать незамысловатый мотив. Соня прохаживалась между соседних палаток. «И почему мы сразу не установили дежурства? Уж после прошлого года могли додуматься. Доверились, как малые дети...» Она прошествовала мимо жилища Тернопов и развернулась обратно.

Билли слышал тихие шаги, проскальзывавшие с улицы в его оттопыренные уши. Он не мог заснуть, мысли копошились, как трупные черви, пожиравшие гниющую плоть. Мать с отцом давно храпели, а он пытался отвлечься книгой, но никак не мог сосредоточиться. Перечитав раз десять одну и ту же строчку, Билли решил сбросить груз переживаний. Он вылез из палатки, прихватив мини-лопату, и тут же наткнулся на Гаджи, зашедшую на новый «круг».

– Надеюсь, ты в туалет? – спросила она.

– А как же?

Под пристальным взглядом Сони Терноп залез в кусты и постарался разместиться с наибольшим комфортом. Разве можно иначе? Кто сподобится выдавить из себя хоть что-то, когда одна нога закинута за ухо, а вторая вляпалась в кучу предшественника, не закопавшего своё дерьмицо? Тренер бесстыже сверлила оккупированные Тернопом кусты. Он поёжился и стал пятиться вглубь зарослей. Нога соскользнула, и Билли повалился в овраг, будто выросший прямо за спиной. На голый истерзанный зад налипли веточки и опавшие листья. Бедолага стал отряхиваться, снабжая процесс гнусной бранью. Более-менее восстановив боевой дух и приведя себя в порядок, он снова уселся на корточки прямо в яме. «Ненавижу этих тварей. Вечно им неймётся! Чего эта тренерша тут ошивается? Даже посрать по-человечески нельзя! Лучше

бы их не было вообще. Никаких указаний, живёшь, как хочешь. Можно подумать, без тупых советов взрослых мы бы подошли...»

Дело не шло. В этом тоже были виноваты козлиные взрослые. Билли наклонился, чтобы проверить, не лезет ли там чего, и увидел нечто неожиданное – прямо под задом зияла лунка, из которой лился фиолетовый свет. Паренёк тут же подскочил как ошпаренный – вспышка, и всё угасло. Пару мгновений он стоял не шелохнувшись, крепко сжимая крохотную лопату для закапывания так и не испражнённых фекалий. Немного погодя он натянул болтавшиеся штаны и попытался обнаружить источник угасшего света – безрезультатно. Несолоно хлебавши – или ни хрена не поспавши, – он поплёлся обратно. «Фигня какая-то. Показалось, наверно...» С усилием стал взбираться по стенке оврага. Левая ягодица подозрительно защипала. «Не поспал, ещё и оцарапался – супер». Когда он выбрался, Гаджи уже и след простыл. «Других пошла пасти. Постушка хренова». Он юркнул в свою безмолвную палатку. Родителей не было. «Тоже похэзать пошли. Может, хоть им удастся. Совместными усилиями». Пару раз зевнув и погладив израненную задницу, Билли быстро провалился в богатырский блаженный сон.

Соседи Питера Бэлона самозабвенно похрапывали, сотрясая матерчатые стены. Но ему не спалось. Зов природы не давал принять любимую позу на животе и тянул на безбрежные просторы девичьих тел. В конце концов Питер снова поднялся и прислушался к звукам снаружи. Тишина. Он потянул молнию и высунул любопытный нос. Путь был свободен. В любом случае, всегда оставался шанс сослаться на естественную потребность и нырнуть в кусты в случае обнаружения побега. Потихоньку, оглядываясь на каждый шорох, Питер прокрадывался к палатке Саши. Волею судеб он не столкнулся ни с мистером Хэкмутом, ни с миссис Гаджи. Такое везение бесспорно сулило отменный перепихон.

– Саша, – зашептал Питер, сунувшись в палатку. – Саша...

Девочка всхрапнула и не обратила на «Ромео» никакого внимания. Требовались более серьёзные меры, и он тронул её за ногу. Спящая дёрнулась в попытке отмахнуться. Тогда парень ухватился сильнее. Она снова задрыгалась и проснулась.

– Чего тебе? – щурясь, прохрипела Талинда.

– И-извини, я перепутал...

Питер быстро скрылся и подполз к соседней палатке. «А я ещё думал, чего это у неё нога так выросла... таблички бы хоть вешали...» На этот раз горе-ловелас пригляделся получше, чтобы снова не попасть впросак. Хотя просак просаку рознь, и в одном может быть склизко и пахуче, тогда как в другом – вполне уютно и тепло.

– Саша, – тихонечко позвал Бэлон, убедившись, что перед ним действительно она.

Леонова проснулась и приподнялась из спального мешка. Через мгновение её глаза округлились и уставились на незваного гостя.

– Привет, – самодовольно протянул Питер.

– Привет...

Рот Саши приоткрывался чуть меньше обычного, а руки зашарили в поисках жвачки.

– Не хочешь прогуляться?

– Там же преподы.

– Меня никто не заметил.

– Ну... давай, ты выйдешь первым, а я через пару минут. Если что, сделаем вид, что в туалет надо. По-отдельности...

– Давай.

Питер высунул голову, огляделся и шмыгнул в чашу. Саша молниеносно натянула джинсы, закинула в рот наконец-то откопанную жвачку и, переведя дух, последовала за ним.

– Что ты так долго? – промурлыкал Бэлон и провёл пальцами по её щеке.

Губы девочки растянулись в широкой улыбке, приструнившей истерический хохот. Он мог ещё ввернуть что-нибудь из серии «дорогая» или «детка», порычать, как тигр, или закусить шипастую розу.

– И-и-и... – протянула она, – куда мы пойдём прогуливаться?

– Думаю, я знаю одно место.

Бэлон взял Сашу за руку и повёл к озеру. Молчание следовало за шорохом травы под ногами и приливом крови между ними. Дойдя до берега, так же молча, Питер бросил свою куртку на землю, опустился на неё упругим задом и похлопал рядом ладошкой, чтобы спутница последовала его нехитрому примеру. Стоило ей повиноваться, как он схватил её за талию и резко притянул к себе. От неожиданности из Саши выдавился странный звук – благо из орального отверстия – вызвавший у обоих приступ смеха.

Успокоившись, Питер продолжил начатое. Он медленно расстёгивал молнию на кофточке спутницы, уставившись на неё взглядом кровожадного злодея из глупых комиксов. «Жертва» занялась созерцанием отвлечённого пейзажа, еле различимого под покровом ночи. Видок у парня располагал разве что к очередному истерическому припадку нежели к коитусу. Холодная земля окончательно прогнала боевой настрой, разбив все ожидания Саши вдребезги.

– Я лучше пойду, – сказала она, когда Бэлон уже принялся стягивать с неё трусики.

– Ты сейчас так пошутила, да?

– Нет. Думаю, нам стоит остановиться.

– Ты о чём говоришь? Что не так?

– Это было не самой лучшей идеей.

Саша встала, попутно натягивая джинсы.

– Но почему? – Питер чуть не плакал.

– Послушай, ты – классный парень и всё такое... – голосом Саши заговорила героиня дешёвого сериала, – но... думаю, я не готова.

– Минуту назад ты ещё как была готова! А ну, ложись обратно!

– Прости?! Ты в своём уме? Я сказала «НЕТ»!

– О чём ты раньше-то думала, сука? Что мне теперь с этим прикажешь делать?! – Питер вывалил своё хозяйство, соответствующее имени соседа Вермута. – А?!

– Подрочи! – крикнула динамщица и скрылась за деревьями, сверкая пятками похлеще самого Бэлона в ночь незадавшейся вечеринки. Добравшись до лагеря, она нырнула в тент и закрепила замок молнии булавкой из дорожного набора Марты.

«О чём я только думала? Он – такой идиот! И я хотела, чтобы этот урод был моим первым?!»

Так с Питером ещё никто не обращался. Руки тянулись рвать его кудрявые волосы или довершить начатое с Сашей, последовав её грубому совету. В отчаянии скидавав остатки одежды, неудавшийся любовник нырнул в холодную воду, чтобы устоять супротив искушения насадить Сашину плоть вопреки её внезапному отказу.

Проснувшись Саша в томительной судороге утреннего сна, где опростоволосившийся кандидат в дефлораторы нудно уговаривал её отдаться ему за кусок колбасы. Реальность не подманивала даже колбаской, по крайней мере съедобной, и отзывалась тугими тяжами на сердце.

Соседки всё ещё спали. Пятая точка Хлои чинно возвышалась над её обмякшим телом, словно исполинская Фудзияма, грозящая сокрушительным извержением. По подушке струились дорожки слюны, как воды, омывающие Хонсю. Марта сопела, уткнувшись в стенку и не напоминала ничего величественного, пока сестрёнка раскинулась, забросив на неё ногу, а руку на «островок надежды».

Несмотря на поздний отход ко сну, в теле присутствовала бодрость, но голова зудела от назойливых мыслей: «Хорошо, что я ему не дала», «А почему я ему не дала?..», «Какой был бы

ужас, если бы...»... Каждая мысль звонко жужжала и билась о черепную коробку, как слепец с синдромом Дауна.

Вместо утомительных терзаний Саша приступила к поиску косметички с туалетными принадлежностями. Шорох и копошение растревожили дремавшую «Фудзи». Хлоя сладко потянулась, издав гудящий звук, сбросила с себя Кэти и уселась на матрас.

– Как всё прошло? – спросила она с нескрываемой улыбкой.

– Что именно?

– Э-э-эй! Я видела, что тебя не было ночью в палатке. Хотела дожидаться твоего возвращения, но отрубилась.

– М...

– И долго не было – походом в туалет не отмажешься!

– Да я и не собиралась. Просто и рассказывать-то не чего...

– С Бэлоном и ничего? Значит, слухи – всё-таки правда?

– Просто... я не стала...

– Почему?

– Сама не знаю... Сначала хотела, а потом...

– Не хотела, – утвердительно кивнула Хлоя.

Саша уставилась на неё и смолкла.

– Продолжай-продолжай!

– Потом... я поняла, что всё совсем не так. Холодно, неудобно. Стала думать об этом, а не о Пите и его поцелуях. И тут представила себя со стороны: полураздетая на куртке едва знакомого парня, на земле.

Хлоя затаила дыхание, ловя каждое слово, будто это могло решить исход её собственной дефлорации.

– Стало противно и стыдно. Захотелось просто сбежать...

– И-и?

– Что и? И сбежала.

– Так прям просто взяла и сбежала?

– Ну не так, что просто смылась. Сказал ему, что не хочу.

– То есть, ты уже была почти голая, когда сообщила, что не дашь? – резюмировала Хлоя.

– И он явно не был от этого в восторге...

– Кто бы был?

Сквозь пелену убывающего сна до Кэти добрались обрывки последних фраз.

– Кто? Что? Где? Когда? – встряла она, протирая глаза.

– Питер и Саша сегодня ночью улизнули, – затараторила Хлоя, торопясь поделиться украденной новостью. – Но она его отшила, когда тот уже наострил свой прибор!

– О приборе, вообще-то, никто не говорил, – поправила Саша.

Сплетни сплетнями, а подмываться и чистить зубы всё-таки надо. Наговорившись, девочки растолкали Марту и собрались на озеро, чтобы привести себя в порядок.

– А это что? – спросила Хлоя, увидев булавку на замке палаточной молнии.

– Не спрашивай, – буркнула Саша и расторопно удалила инородный объект.

– Уже почти десять, – протянула Кэти, посмотрев на часы. – Видимо, преподы решили нас пожалеть

– С чего бы это? – хмыкнула Марта.

– Откуда я знаю?..

Снаружи было довольно спокойно. Неподальёку слышались голоса, но никакого гвалта и шастающих повсюду «сотенников» и предков. Многие спали, о чём свидетельствовал доно-

сившийся из палаток храп. Подруги пошли на звук голосов, чтобы предупредить учителей о своём походе на озеро.

На бревне возле кострища сидело человек пятнадцать. Среди них были только подростки.

– Где кто-нибудь из учителей? – спросила Марта.

– То же хотели бы знать и мы, – ответил Джей Фокс.

– В смысле? – вмешалась Кэти.

– В том самом, что мы понятия не имеем, где они.

– В палатках смотрели? Может, они проспали из-за ночного дежурства?

– Марта, ты реально считаешь, что мы так тупы и сами до этого не допёрли? – выступил Китен.

– Это риторический вопрос?

– Ладно, – перебила Саша. – Их сегодня вообще не видели?

– Нет! – хором ответили парни.

– Может, они тоже устроили себе вечеринку и теперь валяются по лесу, ужратые донельзя? – предположила Кэти.

Все кроме сестры оценили шутку.

– Мы посмотрели поблизости, но никого не нашли, – сказал Джереми Чейс. – Первыми проснулись Вик и я. Пару часов назад, где-то, – он проверил время. – Два с половиной. В лагере было тихо. Потом другие стали подниматься. Но никого из учителей не было. В итоге мы заглянули к Хэмуту – никого. Осмотрели палатки остальных учителей – тоже пусто. Дошли до озера, потом до поляны, где тусили той ночью – нефига. Спрятанное бухло на месте, – закончил крайне важным замечанием капитан.

– А кто-нибудь из родителей появлялся? – спросила Марта.

– Пока нет. Все, кто пришёл с предками, спят. Мы не стали к ним лезть, хотя те, может, что-то да знают.

– Вы ели?

– Нет...

– Тогда, может, не будем терять время и приготовим завтрак? Мы только на озеро и обратно.

Вскоре из своего убежища вылезла Кларисса. Сонно оглядывая остальных, она поинтересовалась, почему её никто не разбудил.

– А где Фиона? – Китен оставил её вопрос без ответа.

– Не знаю... я только проснулась, – она посмотрела в нутро палатки, будто пару секунд назад не видела, что та пуста. – Её здесь нет...

Коул переглянулся с остальными.

– Куда все подевались? – спросила Фиона, уставившись на жалкую кучку из пары десятков школьников вместо привычной утренней толчеи.

– Спроси об этом Фиону...

Воцарилось молчание. Лица корчились и немели в непосильных думах.

– Терноп! – вдруг выкрикнул Китен и сорвался с места. На всех парах ворвался в палатку и с размаху засадил Биллу ногой по рёбрам. Тот взвыл и отскочил в угол.

– Ну и где твоя мамочка, засранец?!

В полусонном забытии малец оглядывался в поисках мамки, которая спасёт его от злого «дяди». Тщетно.

Когда все встали, собрался спонтанный совет учеников старшей школы Ричвиля. На повестке дня стоял вопрос о внезапном исчезновении всех взрослых, сопровождавших сотню лучших студентов. Любые попытки связаться с ними обрывались неутешительным «нет сети» на экранах фирменных «золотосотенских» мобильных.

– Чертовщина какая-то, – бормотала Талинда Дондэ.

– Не напрягайся, пышка, просто в лесу плохая связь, – усмехнулся Коул.

– Вчера она была нормальная, придурок.

– Тут только одна вышка на много миль в округе – может, с ней что-то случилось? – предположил Дин.

– Или сбой у оператора... – попыталась развить тему Честити.

– У всех сразу? – не унималась Талинда. – И взрослые выбрали именно этот момент для исчезновения?

– Может, они утрам узнали про неполадки и решили воспользоваться ситуацией – подшутить над нами или напугать.

– И где нам теперь их искать? – подала голос Сара.

– Искать? – чуть не падая со смеху, крикнул Вермут, явно успевший что-то употребить. – Вы чего, ребят?! Это свобода! Пошли бухать, валить тёлку, тусить, отрываться! А-А-А-А-А-А!!! – с громкими криками он умчался в чашу к тайнику со спиртным.

Некоторые менее буйно, но последовали его примеру. Остальные в ужасе проводили его взглядом.

– Да, конечно, в чём-то он прав, – почесал репу закадычный друг Дина Стюарт Донован. – Но нам всё-таки не пять лет, чтоб радоваться, что предки наконец-то свалили, и мы до опупения можем резаться в Playstation. Очевидно, они хотели этим что-то сказать. Вот только что?.. Просто проучить нас за вечеринку? По-мне, так это крайне сомнительно... вы сами видите, – он кивнул в сторону улепётывающих последователей Вермута. – Они не могли оставить нас без присмотра. В конце концов, они несут за нас ответственность, и сомневаюсь, что сейчас где-то прохлаждаются.

– Может, их похитили?! – зловеще провыл Вик Полок, расширив глаза от притворного ужаса. – Не парься, чувак. Если они и хотели нам что-то сказать, то как-то невнятно. А гадать мне в падлу – придут и сами всё объяснят. Я за новую вечеринку! Кто со мной?!

Началась суматоха. Оголтелые тусовщики попёрли провизию и одеяла к озеру, чтобы хорошенько разгуляться на пляже. Тихони, как тараканы, расползлись по палаткам и закуткам. Самые нерешительные топтались на месте – и хочется, и колется.

Стюарт частенько отрывался с друзьями, посасывал пиво и нет-нет да нырнёт под юбку сговорчивой девчонке. Но на этот раз он не примкнул к безудержному веселью.

– Может, кто-то за нами следит? – сказал он Дину, так же не подпавшему под всеобщее безумие. – В объяснительных, как я понял, никто не сдал зачинщиков. Вдруг они спрятались, чтобы это выяснить? И теперь наблюдают, подслушивают...

– Ты не думаешь, что это слишком? – покосился на него Дин. – Как они могут подслушивать и наблюдать? Мы всё прочесали и никого не нашли. Они же не супер воины ниндзя, в конце концов. Не проще было бы подослать кого-нибудь из ботанов?

– При них никто не стал бы обсуждать ничего такого... но мыслишь ты верно, – Стюарт сорвался с места.

– Эй, ты куда?

Неподалёку стоял Джей Фокс и всё слышал. Упоминание объяснительных садануло прямо под дых, он сглотнул. «Какого хера я ещё не сжёг обрывки моей писанины?!»

Дин догнал друга, тот самозабвенно продолжил:

– Может, они реально свалили, чтобы дать нам «зелёный свет», но не сами наблюдают, а подговорили любимчиков, готовых выслужиться за лишнюю «звёздочку»?

Причастность к чему-то важному бередила сердце, и Донован взялся за дело, как настоящий детектив. Он подкрался к палатке подозреваемой Льюис, прислушался. Из недр доносились всхлипывающие звуки.

– Эй, ты как? – Стюарт осторожно заглянул внутрь. Кларисса умывалась слезами, теребя бесполезный телефон.

– Я... я... – девочка развела руками. – Она... Фиона не могла уйти без предупреждения... с ней что-то случилось, я это знаю...

Парни уселись рядом с рыдающей флейтисткой, скулившей куда менее мелодично её инструмента. Они успокаивали её стандартными фразами и многозначительно переглядывались.

– Ты уверена, что она не могла не сказать тебе об уходе во имя общей цели? – решился спросить Стюарт

– Что? – Клариса подняла на него заплаканные глаза. – Какой ещё общей цели?

– Ну... – парень бросил взгляд на друга. Кто знает, может, эта девчонка хорошо играла не только на флейте.

– Мы думаем, что, возможно... – Дин вздохнул, теряясь в абсурдности того, что хочет сказать. – Ещё раз повторяю, возможно... преподы устроили заговор...

Девочка перестала плакать и уставилась на собеседников. Её лицо исказила смесь удивления и презрительной ухмылки. Именно так она смотрела на тётю Нэнси, когда ту забирали в психушку.

– Заговор?

– Хорошо, это может показаться бредом...

– Да уж, – усмехнулась Кларисса, перебив Стюарта.

– Но мы думаем, – тот продолжил, несмотря на встреченный скептицизм, – что они всё-таки решили выяснить, кто организовал вечеринку. Сами скрылись, а... их доверенные следят за ни о чём не догадывающимися учениками.

– Та-а-а-ак, ребята, – протянула бывшая подозреваемая, вставая на ноги, – я смотрю, ваш кумир – Шэрлок Холмс. А может, Пуаро или мисс Марпл? Кстати, вам пошла бы её шляпка. Или вы спутались с Вермутом и его «волшебными таблетками»? В любом случае, я знаю одно: несмотря на ваши догадки, дедуктивные, маразмативные и иные методы, моя сестра ни за что, ни во имя каких-то там великих общих целей, Святого Грааля и Кольца Всевласти не ушла бы посреди ночи, не предупредив меня или хотя бы не оставив записку.

– Прекрасно! У тебя отличная сестра! – Стюарт тоже поднялся, пригибаясь под низким пологом. – Твои предположения? Куда, по-твоему, они все делись? Что могло случиться с тремя десятками взрослых мужчин и женщин? И почему все мы остались здесь живыми и невредимыми?

Кларисса осеклась. Уголки рта поползли вниз, а уверенность, что пареньки просто начитались книжек, куда-то улетучилась.

– Я вижу только одно объяснение, – подытожил Стюарт, – они ушли по доброй воле.

– Похоже, она не притворяется, – шептал Дин, выбираясь из палатки. – Кто тогда может быть «разведчиком»?

– Я не понимаю... – Кларисса вышла на улицу вслед за парнями. – Фиона всегда оберегала меня, когда была рядом. Да и секреты-то хранить не умеет... постоянно выбалтывала о подарках и сюрпризах... как такое возможно?

– Может, её поймали на внезапности? – предположил Дин.

– Поймали? – вздрогнула девочка.

– Успокойся. Я имею в виду, что её могли выманить под каким-то предлогом из палатки, а объяснили всё только по ходу дела.

– Надеюсь, вы правы...

Пока Дин и Стюарт допрашивали Льюис, Джей Фокс продирался сквозь заросли, чтобы уйти подальше от лагеря. Туда, где никто не заметит сожжения компрометирующего документа. У костра на поляне вечно кто-то тёрся, а продолжать таскать обрывки с собой было слишком рискованным. Мысли о них выводили его из себя, и он уже стал вздрагивать от каждого шороха – пора было с этим покончить.

Следователи тем временем отправились в новый рейд по окрестностям. Они продолжали свои рассуждения и внимательно смотрели по сторонам.

– Глянь, – Стюарт кивнул в сторону поросшего трутовиками дерева.

– Что? – не понял Дин. – Чего ты шепчешь?

– Там кто-то есть.

– Конечно, кто-нибудь пошёл погадить. Расслабься.

– Ага, в полумиле от палаточного городка?

– Сейчас все рассыпались по округе, хотя... кто его знает, давай проверим.

Напарники выбрали тактику внезапного нападения – резкого, молниеносного, как взмах самурайского меча. Незнакомец вскрикнул от неожиданности и выронил из рук объятые огнём «фантики».

– Джей?! – удивился Дин.

Стюарт пулей метнулся к горящим клочкам бумаги и сбил пламя мыском кроссовки.

– Нет!

Фокс хотел вернуть своё имущество, но Дин схватил его и завёл руки за спину, чтобы друг беспрепятственно ознакомился с уликами.

– Что вы делаете?! Это личное! Вы что, следили за мной?!

– А стоило? – сурово спросил Донован, мысленно поправив шляпку мисс Марпл. Он поднял один из помятых обрывков и внимательно уставился на него. – Что тут у нас? Любовная записка от твоего дружка по драмкружку? Так... «Мы ещё в школе распределили, кто сколько выпивки понесёт. Всё покупал Лесли Вермут...» Фокс, какого хрена? Похоже на донос...

– Заткнись! Отдай это мне!

Стюарт присел на корточки; стряхнув обгоревшие края с бумажек, собрал «пазл» и смог прочитать докладную.

– Это просто шутка! Я никому её не показывал!

– Значит, папаша тебя держит в ежовых рукавицах? – Дин ослабил хватку, но тут же впцепился с ещё большей силой. – И из страха к нему ты всех заложил?

– Я же говорю, что никто об этом не знает!

– Похоже на то... – пожал плечами Стюарт. – Организаторов наказали не сильнее других участников...

– Никто не знает, клянусь!

– Зачем тогда ты вообще это написал? – спросил Дин.

– Я хотел пошутить, чтобы преподы засуетились насчёт моих предков. Но потом передумал и написал нормальную объяснительную.

– Но нафига ты указал реальных виновников?

– Пойми, Сандерс, я долго не думал, написал первых пришедших на ум. Естественно, сразу они и вспомнились...

– Ньюстридж заставила тебя переписать маляву, – припомнил Дин. – Ты ещё сказал, что типа послал всех в первой.

– Ещё одна объяснительная? – Стюарт недоверчиво уставился на нового главного подозреваемого. – Не много ли от одного ученика. Может, шутка всё-таки удалась?

– Что тогда эта записка делает у меня? А?

– Здесь явно что-то не так... может, это он – разведчик?

– Что ты несёшь, Донован? Отпусти меня уже, Дин. Хватит играть в полицейских!

– Подержи его ещё. Возможно, мы нашли, кого искали.
– Да, но тогда он и так всех бы сдал, зачем ему ещё следить? Ничего нового он не узнает.
– Ты прав...
– Вы о чём, вообще? – Фокс попеременно смотрел то вперёд, то назад, пытаясь прочесть ответ на лицах «следователей». – Это типа шутка такая?

В то время как Дин и Стюарт играли в детективов, Терноп прятался в своём убежище. При каждом неловком движении тело пронзала подлая боль. Поднатужился выпустить газы? – словно спица воткнулась в хрустнувший позвоночник. Попытался расслабиться? – отбитое мясо филейной части отдалось страданиями по всему крупу. Нет, это вовсе не синяк, это целая пробоина. Так и затонул Титаник. А какой из Билли трансатлантический лайнер? Разве что шлюпочка, которую можно пустить ко дну одним манёвром пинка.

Он постигал новые ипостаси бытия и возможности своей физической оболочки. Обычно лежишь и не думаешь, что у тебя есть руки, ноги и прочие отростки и органы. Теперь же каждый повреждённый элемент чахлого организма верещал о своём присутствии пламенной мучительной агонией.

Но голова была занята другим. И даже не жажда мести и ненависть увлекали изувеченного страдальца. Сияние. Что за странная вспышка была в том овраге? Быть может, она просто приснилась? И вполне возможно, сегодня Билл о ней бы и не вспомнил, не случись того, что случилось. Вереница вроде бессвязных, но странных событий так и манила найти все звенья цепи. Свет, потеря связи, исчезновение взрослых...

– Ты как, Билли, живой? – спросила Линдси, заглядывая в палатку. За ней появилась Моника, и они вместе стали потрошить дорожную аптечку, чтобы немного облегчить страдания непутёвого товарища.

– Сильно он тебя... – протянула Квинс, смазывая ссадины на тщедушном тельце.

– Я б удивился, если бы слабо...

– Что читаешь? – Линдси взяла электронную книгу Билли и стала оглядывать в поисках кнопки включения.

– Ничего, – он расторопно забрал гаджет и больше не выпускал его из рук.

Кто-то называет это равновесием и балансом, кто-то высшей степенью несправедливости, но пока одни неистово страдали, другие кутили и отрывались в оргиях.

Новоиспечённая вечеринка окрасилась брызгами солнца на обнажённых телах и пеной пота, стекающей в бурлящее озеро. Парни гнали волну в надежде, что она смоет бюстики с девчонок. Девчонки верещали, прикрывая упругие титки, в надежде, что хоть один из недорослей догадается потянуть за верёвочку. Этот нехитрый манёвр смог бы открыть дверцу вовсе не к бабушке, сидящей в брюхе серого волка, а в лоно плотских утех, за которые к окончанию похода некоторые прелестницы получают пренебрежительно гордое звание «шлюха».

– Даже если за это меня исключат из школы, оно того стоило! – орал Бэлон, плескаясь с полуголыми красотками. По правую руку была брюнеточка и бутылка пива, а в левой он сжимал дымящуюся, как его «ствол», сигарету и пышногрудую блондинку.

– Не исключат, – хихикнула сисястая. – Они не имели права оставлять нас одних. Скорее, это им грозит увольнение.

Поодаль от мирской суеты, где волны сравнивались с гладью покоя, самозабвенно и с полной самоотдачей Чаннинг Лютмор, чемпион школы по плаванию, делал звёздочку. Полупустой – или наполовину полный – стакан пунша величественно покачивался на его широкой плешивой груди. Пловец шурился от яркого солнца, окутанный наслаждением безмятежностью.

Но в гурьбе неугомонного разгула не было места Дзену, и лишь краешком сознания пребывавший в этом мире Вермут совершил отчаянный подныр под чемпиона. Состояние духа

не позволяло определить точные координаты, посему он всплыл, как контуженная барракуда, прямо под ним.

Потревоженный Лютмор опрокинулся в воду вместе с теперь уже на сто процентов полным стаканом.

– И какой из тебя пловец? – заржал Лесли и ушёл на дно.

Тем временем Саша грела косточки и прочие прелести под золотящими кожу лучами. Рядом возлежали сестрички Сим и Хлоя. Они переворачивались с боку на бок, подставляли солнцу то живот, то спину и бередили пламенные моторы сторонних наблюдателей.

Время от времени Леонова поглядывала на Питера. Он светился от счастья и загребал пятернями попки визжащих девчонок. «Не очень похоже на «страдания юного Вертера... урод». Не обещанное обещание вечной любви осколком предательства тыкало в сердце – другой на его месте так бы просто не отступился. Даже говно липнет к ботинкам, когда его пнёшь, а этот!

Мимо пронёсся молодчик с париком из водорослей. Он горланил в облезлую палку и кривлялся, будто второй незримой корягой ему тыкали в задницу. С зелёной «волосни» во все стороны летели капли, и обрызганные девчонки звонко завизжали. Поняв, в чём дело, и угомонившись, они с хохотом усталились на продолжившего скакать по всему пляжу позёра.

– А он похоже изображает Вермута, – заметила Хлоя.

– Ага, – поддакнула Саша и в очередной раз бросила взгляд на Питера. Тот уже вовсю обхаживал очередную красотку, строившую из себя недотрогу, но ждавшую, когда её уже накажут.

– Не скучаем? – на махровое и рыжее, в тон хозяйке, полотенце опустилась мокрая задница Пола. – Может, кого-нибудь намазать кремом для загара? – его брови запрыгали, как у мультяшного героя, а рот растёкся в плотоядной улыбке.

– Тебе стало неинтересно играть своей маленькой штучкой в одиночестве? – Кэти соорудила сочувственную мину, а Хлоя с Сашей прыснули от смеха.

Марта не обращала на происходящее никакого внимания, уткнувшись в книгу про хоббитов.

– Могу опровергнуть твоё суждение о размерах моей штучки, – и чтобы не быть голословным, он схватил Кэти за руку и потянул к себе.

– Успокойся, Штольд! Если Алекса здесь нет, это не значит, что он не сможет набить тебе морду, когда мы вернёмся, – она резко вырвала руку из цепкой хватки и перевернулась на живот, выставив перед парнем свои упругие ягодицы, как дольки спелого нектарина заглянувшие прямо в душу.

– Я рискну, – Пол опустил загибающую лапу на пятую точку Сим и сжал пальцы с такой страстью, что на булке остался отпечаток всей пятерни. Кэти тут же откинула наглеца ногой, и её брови чуть не устроили лобовое столкновение.

– Ты охренел? Я тебя предупреждала. Расскажу всё Алексу – он из тебя мозги нафиг выбьет.

– Было бы что выбивать, – заметила Марта, наконец оторвавшаяся от фэнтезийного чтения.

– Я весь дрожу, – Пол заржал, как конь, и помчался играть во фрисби с Коулом и Викоком Полоком.

– Что ты всех Алексом-то пугаешь? – буркнула Марта и уставилась на сестру. – Не будет он его бить.

– Почему это? Он меня лапал!

– Сама напросилась. Зачем тебе своего парня стравливать с другими? Он так совсем без друзей останется и станет изгоем. Оно тебе надо?

Кэти скорчила рожу и не ответила в своё оправдание ровным счётом ничего.

– Да, Кэт, – встряла Хлоя, – ты же сама вечно ноешь, что он достал тебя своей ревностью. Зачем ещё подначивать?

Глаза Кэти закатились, будто в припадке, рот смачно чавкнул, и после нечаянного прихрюка она с деланным безразличием бросила:

– Пойду. Нырну.

Её аппетитные дольки закивали, будто помахивая на прощание при каждом шаге.

Марта с облегчением вздохнула и только было принялась за чтиво, как ей чуть не прилетело в зубы.

– Простите девочки, – Коул ловко перехватил фрисби и метнул его Полу. Тот мигом поймал и направил Вику, который замкнул круг, вернув диск Китену. Эта нехитрая игра занимала их, как малых детишек пия. И в этот момент они не думали о... не думали ни о чём, а просто веселились – как те самые малые дети.

Наигравшись вдоволь, они набросились на снеки, сваленные в кучу у кромки деревьев. Тут было настоящее счастье для голодного желудка: и хрустящий картофель всевозможных вкусов и форм – от томата до сыра, или протухших месячных недельной давности, – и начос, и мини-крендельки, и орешки, и даже закуска из синей кукурузы. Хрустя чипсами, друзья любовались красотами природы: угрюмыми волнами, уносившими вдаль обрывки конфетных фантиков; песчаным берегом, устланным окурками и смятыми пластиковыми стаканчиками; и могучими древесными великанами, в тиши которых парочка ребят притаилась посрать.

– Вот это жизнь, – протянул Пол. – Ни тебе родителей, ни учителей – живи, как хочешь.

– Красота, – поддержал его Коул и сделал глубокую затяжку. Плохо отфильтрованный дым резво нырнул в лёгкие и обтёр об них свою задницу вредоносной смолой.

– Только бы ещё сестрички Сим не были такими... зажатыми, – Пол взял у друга сигарету и тоже затянулся.

– Ты бы руки при себе держал, а то Алекс может тебе предъявить, – предостерёг его Китен и вернул свой почти докуранный бычок.

– Кэти и сама не против, я-то знаю. Просто стесняется, – заржал Штольц и кинул в рот пригоршню рифлёной картошки. У его ног прикорнула бутылка термоядерной газировки, он поднял её и залпом осушил половину.

Тема о прекрасном поле развивалась сама собой, и в неё органично вплелись обсуждения преимуществ отсутствия взрослых. Воздух кишел мошкаркой и задорными криками девчонок. Ребята любовались их трясущимися прелестями и точили лясы о том, как нашпиговали бы их потроха своим семенем. Вскоре трио голосов превратилось в дуэт, и Коул с Виком продолжили бахвалиться вдвоём. Пол притих и через добрые две истории о том, как его товарищи насадили бы живца, произнёс – медленно, неестественно растягивая звуки:

– Прикинь, Вик... если бы я... был... тобой... я бы был... Пол... Полок...

Вик с Коулом переглянулись и разразились хохотом.

– Если бы ты был мной, тебя бы звали Вик, идиот! – Полок ткнул Штольца в плечо, тот пошатнулся и перевёл на него невидящий взгляд. – Ты в норме?

Обмякший рот с усилием предпринял попытку сглотнуть, все конечности ослабли, и полупустая бутылка со шлепком полетела на землю. Товарищи тут же подхватили расклеившегося Пола под руки и осторожно усадили на песок.

Коул смерил упавшую бутылку презрительным взглядом и выдавил:

– Кажется, я догадываюсь, в чём дело.

Он подхватил пузырь и направился к танцевавшему индейский танец Вермуту.

Тот самозабвенно скакал вокруг костра, то и дело спотыкаясь и подпинавая пытавшихся мирно пожарить сосиски. Его лицо было разукрашено озёрным илом и грязью, а на бёдрах красовалась юбка из камыша. Всё действие сопровождалось мало кому понятными песнопениями, перемежавшимися с воплями резанной макаки.

– Твоё? – безо всяких прелюдий Китен сунул ему бутылку в лицо, мигом расплывшееся в дебильной улыбке.

– О-о-о! Мой коктейльчик! Хао, бледнолицый, – он тут же сделал глоток.

– Что в нём?

– Валиум... старый добрый валиум... много валиума... – с безумной улыбкой Лесли обнял свою бутылку, расплёскивая её содержимое. – Я... бессонница, он – спасет...

– Пол выпил, ему плохо. Что делать?

Тот дико рассмеялся.

– Я – доктор? Пусть проблётся, проспится, и всё будет... если не передоз, конечно... я... я не помню, сколько положил, – закончив инструктаж, он снова присосался к пойлу.

Несмотря на злость, Коул выхватил бутылку, хотя желание оставить его нализаться до смерти было крайне велико.

– Придурок, – прорычал он и поспешил обратно.

Время быстротечно, и тем не менее существовало только мгновение «здесь и сейчас», так что Вермут мигом забыл о случившемся и вернулся к своим безумным пляскам.

А Пол всё больше походил на овощ. Только не на морковь, та – яркая, сочная, да девица, как говорится. А его бледное мигом осунувшееся лицо больше напоминало загнивающий лук. Или подсохшую собачью какашу. Такой расклад Китена не устраивал – он не хотел, чтобы его друг стал чьим-то испражнением.

– Пей, – он протянул ему воду.

Штольц будто бы его не слышал.

– Чёрт, Вик, помоги мне.

Общими усилиями в Пола удалось влить около литра воды, после чего два пальца в рот и куча недопереваренной пищи на земле. Несмотря на промывание желудка, парень всё ещё не был похож на огурчик.

– Хер ли этот-то так скачет? – рыкнул Полок.

– Сказал, что это было на вечер. Сам другим закинулся, наверно.

– Что с ним? – неожиданно выползла Сара. – Перепил?

– Переел, – бросил Вик.

Таким тоном обычно отгоняют уличных попрошаек. Хотя Рейн сложно было отнести как к уличным, так и к попрошайкам – на неё это подействовало. Она молча развернулась и пошла своей дорогой.

– Ты знаешь, что делать при передозировке? – остановил её Коул.

– Передозировке чего?

– Говна! – рывкнул Полок, лишившись самообладания. Пол совсем размяк, и начал терять сознание.

– Валиум, – Китен стал бить друга по щекам.

– Я... не знаю...

Тот в ужасе уставился на неё.

– А кто знает?

– Мисс Съеринг... медсестра...

От вспыхнувшей злости желваки Вика зажили собственной жизнью. А Китена окутал страх, его привычная броня разгильдяя стекала жидкими соплями, обнажая натянутые нервы.

– Найди кого-нибудь, умоляю, – прошептал он.

– Я... я... попробую, – Сара сорвалась с места и помчалась в лагерь. Там гнездились ботаны – кто-то из них мог разбираться в этом – в какой только хрени они ни разбирались. А даже если и нет, где ещё она могла искать помощь? Вряд ли наостривший уд Бэлон или любой другой из собравшихся на пляже могли хоть чем-нибудь помочь.

Поляна предстала благостным местом, где далёкие от безумного веселья тихони чинно прогуливались, ютились на брёвнышках и скрывались в палатках. Сара замерла на месте – к кому идти? Тернопа точно трогать не стоит, даже если он что-то и знает, ни за что не станет помогать другу Коула.

«Анна Джонсон!» – осенило Рейн, и она сунулась к помешанной на химии дочери владелицы небольшой аптеки в Ричвиле.

– Какой антидот у Валиума?!

От неожиданности Анна вытаращилась и ответила только пару секунд спустя.

– А тебе зачем?

– Надо! Скорее!

– Это бензодиазепин... так... значит, флумазенил. А что такое-то?

– У тебя есть?!

– Нет, конечно. В чём дело?

Так и не произнесённый ответ затерялся в топоте смывшейся Сары. В палатке медсестры наверняка должна была быть аптечка. Не сделав и дюжины шагов, Рейн вернулась к Анне.

– Ещё раз как?

– Флу-ма-зе-нил. Но—

Договорить она не успела, Сара уже бросилась на поиски. С неохотой Анна поплелась за ней и встала у входа в палатку, наполненную саквояжами с медикаментами, на одном из которых красовалась табличка с надписью «Вермут». Рейн неистово потрошила всё, что попало под руку.

– Нет... это не то... – бормотала она.

– Дай я. – Анна подошла к «Вермуту» и быстро выудила нужную ампулу. – Вот.

Сары тут же и след простыл. Семимильными скачками она домчалась до пляжа, где Пол всё никак не мог определиться, оставаться ему в сознании или уже отключиться.

– Вот!

– Что это? – Коул взял у неё лекарство и повертел в руках. – Анексат... Поможет?

– Ане... что? Чёрт, она не то дала!

Не успев опомниться, Сара уже снова стояла перед Анной Джонсон.

– Что ещё за амесат? Ты говорила другое!

– Я говорила название активного вещества—

– Не важно, это поможет?!

– Это то, что ты просила. Но что ты хочешь? С Лесли опять что-то?

По своему обыкновению, Сара ничего не ответила, метнулась кабанчиком до пляжа и рухнула рядом с Коулом.

– Это оно!

– Отлично, – Вик протянул руку и взял ампулу. – И как им пользоваться?

– Не знаю...

– Так узнай!

Силы Сары оказались на исходе, но она должна была завершить миссию. Возможно, ей даже дадут за это какие-то бонусы – поднимут левел или позволят потеребонькать член.

Рейн еле дышала, ноги заплетались, как и язык.

– Как его принимать?!

– Внутривенно.

– Как?..

Анна бросила палку в костёр и уставилась на взмыленную Сару.

– Может, уже скажешь, в чём дело?

– У Пола, кажется, передозировка... Сможешь сделать укол?

– Нет, извини уж. Укол в зад – пожалуйста. Но в вену. – не-а. Я никогда даже не пробовала. Попроси Лесли, он спец в этом деле.

– Вермут уже в астрале.

Анна пожала плечами.

– Шприц не забудь, – крикнула она снова убегающей спасительнице. Та вернулась к палатке медсестры и взяла сразу несколько. Чтоб наверняка.

Вокруг Штольца уже собрались зеваки, они перешёптывались и глазели. Кто-то хихикал, некоторые давали советы и ценные указания, но толку с этого было что с козла молока. Подойти-то его, может, и удастся, да на молоко это вряд ли будет похоже.

С очередным появлением Сары на пляже воцарилось молчание. Все взгляды устремились в её сторону.

– Надо в вену колоть, – выпалила она, проткнув тишину осевшим голосом.

Никто не проронил ни звука. И никто не знал, как помочь Полу. Вопрос представлялся жизненно важным, но сделать укол в вену казалось чем-то сравни ампутации или коникотомии – каждый сотни раз видел, как герои спасают товарищей, на первый взгляд, нехитрыми манипуляциями, но практика куда сложнее самых глубокий теоретических познаний. Особенно основанных на второсортном кинце.

– А где Талинда? – крикнули из толпы. – У неё же диабет, она постоянно делает себе уколы.

– Э, нет! – откликнулась та. – Это тебе не в вену такой байдой! Я не смогу.

– Да что тут сложного? – закатила глаза сисястая из команды поддержки. – Нас учили на первой помощи.

Она взяла шприц, воткнула его в резиновую крышку ампулы, набрала лекарство, завораживая зрителей чарующими манипуляциями, и занесла руку, чтобы сделать инъекцию.

– Ты что творишь? – остановил её Коул.

– То, что и просили.

– Так ему внутривенно надо. Так ведь, Сара?

– Угу...

– Ну я и воткну ему в вену!

– С таким замахом ты ему руку насквозь пробьёшь! Может, ты не сдала зачёт?!

– Ну и делайте тогда сами! – обиделась девушка с аппетитными сиськами и ушла загорать, вручив шприц Китену.

– Кажется, без ЛСД нам не обойтись... – констатировала Сара.

– Трагедия вселенского масштаба, – хихикала чернобровая коротышка. – Укол сделать не могут.

– А ты можешь? – прошептала соседка.

– Да ну нафиг. Я лучше посмотрю.

Лесли обнаружили спящим под кустом. Но это не имело значения – он мог найти вену и с закрытыми глазами. Сомнительное достижение, но сейчас было весьма кстати. Его сваливавшиеся патлы облепили вымазанное в грязи лицо. Из открытого рта вырывались булькающие звуки. Коул разбудил его, удержавшись от желания использовать метод пинка.

– Вставай, Вермут, вставай!

Тот промычал и уставился полужакрытыми глазами в никуда.

– Пойдём, нужна твоя помощь. Полу плохо.

– Полу? – Вермут глухо захихикал. – Его надо помыть или подмести?

– Мудак, – выплюнул Китен и потянул обдолбыша за собой.

Тот по дороге снова заснул, хотя ноги волочились, будто он соображал, что делал.

– На, – Вик сунул ему шприц.

Вермут провёл по своей руке, будто засучивал рукав, хотя был в одних трусах.

– Не себе! Полу.

– Полу, так Полу.

Через пару секунд Лесли управился и вернулся под облюбованный куст.

– Кто бы мог подумать, что твою жизнь спасёт нарик... – Китен с облегчением похлопал Штольца по плечу.

– Ага, – буркнул Полок, – после того, как сам же и подверг её опасности...

Вскоре Пол стал приходить в себя под пристальным наблюдением зевак. Он испуганно оглядывал собравшихся, его сердце забилося так часто, что бедолага подумал о скором конце.

– Коул, ты мой лучший друг, – он схватил товарища за руку. – Помни, если я умру, пусть меня кремируют, а ты развея меня над океаном. Хотя бы над озером... или лужей...

– Не пори чушь! Никто не умрёт.

Вскоре состояние Пола стабилизировалось. Собравшиеся поняли, что смотреть больше не на что, и стали расползаться в поисках новых развлечений.

Саша в который раз намазывала нос кремом от загара и смотрела на расходящихся зевак.

– Честно говоря, не понимаю, чего все так всполошились. У меня есть знакомые, хм, любители всяких таблеток, я их и не в таком состоянии видела, и ничего – обошлось. Никто не вызывал «скорых» и не устраивал кибиш. Да хоть Вермута возьмите. Я здесь где-то месяц, а он уже раз десять только при мне отрубался.

– Ты не знаешь? – зашептала Хлоя, почуяв возможность посплетничать.

– Чего?

– У Китена брат служил в Ираке, там вместо горячих сражений подсел на иглу. Вернулся конченным наркоманом. А потом через пару лет умер от передоза. Вот, видимо, его и накрыли «тени прошлого», испугался, что и друга потеряет...

– Бедный...

– А насчёт Вермута, так его уже столько по «скорой» откачивали, что и не сосчитаешь.

– Серьёзно? Не знала...

– Ну, теперь знаешь.

Саша обернулась на куст «Вермута» и вздохнула.

– А Вик-то тоже как перенервничал! – засмеялась Кэти. – Глаза так выпучивал, я аж думала, он обкакается.

– Да, – подхватила Хлоя, – он же ярый противник всякой химии, футболист хренов.

– Зато чипсы жрёт, как танк, – заметила Саша.

– А причём тут чипсы? – не поняла Кэти.

Леонова посмотрела на неё задумчивым взглядом и ответила:

– Забудь.

Сара продолжала ошиваться рядом с Полом, Виком и Коулом. Она чувствовала себя сопричастной, нужной. Несмотря на всю важность её вклада в спасение Штольца, ни один из троицы не удосужился выказать благодарность. Но она ждала, как верный пёс. Парни перенервничали, растерялись, ещё чуть-чуть – они одумаются и завалят её своим почтением по самую макушку.

– Я бы прилёг... – сказал Пол.

Товарищи тут же повели его в лагерь, покинув растерянную Сару. Идти за ними она не решилась и осталась в недоумении тереться на пляже.

Как Пол? – спросила Анна Джонсон у Коула с Виком, когда они уложили того в палатке и уселись у костра.

– А тебе-то что? – выпучился Китен. Он и знать не знал эту девчонку.

– Ничего. Сара сказала, что ему нужен антидот. Хотела узнать, помогло ли.

Тут Китен с Полоком оживились, будто им впрыснули инъекцию радости.

– Так это ты нашла лекарство?

– Ну да...

Они набросились на неё с благодарностями, в подробностях рассказали о произошедшем и стали выстраивать мосты отношений.

Бесплодность изысканий Дина и Стюарта настойчиво намекали на то, что они страдают полной хернёй. Проинтервьюировав ещё парочку человек, они поняли, что зашли в тупик, как сперматозоиды, наткнувшиеся на «резинку». Все подозреваемые тёрлись вовсе не там, где могли бы раздобыть информацию. Они грели кости у костра в этот жаркий осенний день либо хныкали в своих палатках – довольно хреновая разведывательная тактика. Пораскинув мозгами, закадычные друзья так ничего больше и не придумали и собрали их обратно.

– Пойдём, что ль, тоже на пляж, а? – сказал Дин. – Всё равно ничего не выходит. Только время потеряли, а можно было уже хорошенько потусить.

– Если нам не удалось найти то, что мы искали, это не значит, что этого не существует...

– А что если мы не то искали? Вдруг вся эта фигня с учительским заговором – полный бред?

– Что же тогда произошло?

– Вот уж этого я не знаю.

– Давай тогда попробуем разгадать другую загадку, – задумчиво произнёс Стюарт.

– Какую ещё загадку? – устало выдохнул Дин. – Тебе не надоело играть в детективов?

Пойдём лучше по пивку дёрнем.

– Дёрнуть мы всегда успеем и не только по пивку, а сейчас происходит что-то реально интересное, Дин. Слышишь? Подумай сам, когда ещё будет возможность сделать что-то крутое?

– Я не уверен, что это намного круче пива...

– Мобильная связь, – Стюарт не терял запала, будто ему подпалили заднее место. – Возможно, её отсутствие как-то связано с пропажей учителей. Может, это они что-то сделали с вышкой и теперь прячутся неподалёку от неё?

– Ты в своём уме? Они тупые преподы, а не агенты АНКЛ.

– Да ты послушай! Здесь точно есть связь, неужели не чувствуешь? – «Даже если и нет, развлечёмся! Это ж как в детстве, ну давай, а!» – Надо проверить вышку.

– Проверить вышку?! – глаза Дина чуть не выпали на землю к его пропахшим кроссовкам.

– Да. А что?

– Она же милях в семи отсюда!

– И что?

– Реально? И что? Хм, дай подумать... Ну, например, мы часа два только туда пилить будем. Минимум. Быстрым шагом и без привалов. А так и все три – если тебя посрать прижмёт.

– Не прижмёт, я уже с утра похэзал.

– Да завали ты, я ж серьёзно! Не помнишь, сколько сюда добирались? – Дин сверился с наручным хронометром, доставшимся от деда. – Сейчас половина четвёртого. Вернёмся затемно. Да какой там?! Придём, уже стемнеет. А надо будет ещё... проверить вышку. Только что ты под этим подразумеваешь, я понятия не имею. Да и преподы к тому времени могут вернуться. Короче, фигня какая-то. Ты сам хоть понимаешь, что нам придётся идти по тёмному лесу, нет?

– Струсил? – спросил Стюарт с хитрым прищуром.

– Вот только не надо меня на понт брать – я тебе не Марти Макфлай!

– Тогда в чём дело?

- Ты меня слушал, вообще?
- Конечно. И из этого делаю вывод, что ты боишься.
- Просто это херня полная!
- Хорошо. Тогда я пойду один.

Стюарт развернулся и почапал в палатку, чтобы собрать необходимые для похода вещи.

– Вот гад, – процедил Дин и направился следом. Из рюкзака полетели лишние тряпки и мелочёвка, а свободное место быстро заполнилось тем, что могло понадобиться во время вылазки. – Вечно ты так. Знаешь, что меня совесть загрызёт, если ты один свалишь и окочуришься.

Когда всё было упаковано, товарищи прихватили провизии из «общего котла» и готовы были отправиться в путь.

– Может, предупредим кого-нибудь? На всякий случай... – Дин нервно сглотнул и глянул на поляну, как в последний раз.

Стюарт замялся. А вдруг кто-нибудь узнает и решит их опередить? Конечно, таких идиотов ещё поискать надо. Но они-то сами нашлись! В конце концов, они снова обратились к Кларисе, которая в очередной раз размазывала сопли по щекам.

– Не волнуйся, мы их найдём, – пообещал Донован.

Дин толкнул его в бок и шикнул:

– Ты чего несёшь? Зачем обнадёживаешь?

– Пошли уже, – небрежно бросил Стюарт. Чувствовать себя спасителем было куда приятней, чем пустобрёхом.

Парни откланялись и быстро пошли по тропинке, ведущей к выходу из леса, где посредине поля торчала здоровенная базовая станция сотовой связи.

– Ты точно помнишь дорогу? – беспокоился Дин, на ходу перепроверяя свой скарб.

– Тут только дурак заблудится.

Шаги отмеряли тропу, уводившую прочь от лагеря. Слова за слово, и Дин втянулся в отвлечённую беседу, на время отпустив беспокойства и страхи. На ходу уминались бутерброды с шоколадными батончиками и запивались вкусной газировкой. Она приятно пузырилась на языке и создавала ощущение безопасности. Что может случиться, когда у тебя в руке Сникерс, а в горле Доктор Пеппер?

– Честно говоря, не думал, что в походе будет что-то интересное помимо той вечеринки. Но, видимо, я ошибся.

– Да уж, сегодняшний день мне нравится куда больше вчерашнего, – поддакнул Дин. Кросс и отжимания с подъёмами до сих пор напоминали о себе назойливой мышечной болью. – Но всё равно... тут что-то не так.

– Ещё бы! Иначе мы бы не проводили расследование.

– А тебе весело, я посмотрю. Ну-ну. Ещё неизвестно, что мы там откапываем. Знаешь, сначала мне вообще было как-то пофиг, не придавал отсутствию преподав никакого значения. Реально думал, что они хотят нас наказать или типа того. Но их слишком долго нет. Надо быть идиотом, чтобы оставить толпу подростков без присмотра в лесу. Не, они идиоты, конечно, но всё равно... Короче, я запутался. Да ещё и то, что связи нет... Как-то зловеще...

– Фффф! – Дин выдал жалкий смешок. – Ну ты даёшь. Что, по-твоему, могло случиться? Мы же даже Клариссу убедили, что всё подстроено, а теперь ты сам паникуешь?

– Да не паникую я... Просто что-то не сходится...

– У тебя не осталось бутеров с ветчиной? – Стюарт уже не слушал и активно потрошил свой рюкзак. – А то у меня только с колбасой и сыром, а эта ветчина – просто отпад.

Дин молча протянул бутерброд, неумолимо окунаясь в вязкие раздумья, но Стюарт быстро выудил его из этого болота, смачно хлопнув по плечу.

– Спасибо, – и, чавкнув с уже набитым ртом, протянул: – Отпа-а-а-ад!

Около двух миль спустя Дин остановился.

– Ты это слышал?

Донован молча кивнул. Чуть поодаль впереди, из жиденьких кустиков доносился шорох. Ребята напряглись и туго сжали очки. Стюарт огляделся по сторонам и, приметив подходящую палку, осторожно подобрал её. Безмолвной, но крайне многословной жестикуляцией Дин попытался выяснить, на кой товарищу палка. Так же жестом тот объяснил, что всё под контролем, и резко ткнул своей палкой в кусты.

– АААААААААА!!! – заверещали оба «золотосотенца».

По папоротникам пронеслась волна, быстро свернула в нескольких метрах от них к дороге, на которую выскочил огромный заяц. Ушастый медлить не стал и мгновенно скрылся в зарослях по другую сторону тропы.

Прооравшись и поняв, что они в безопасности, Дин и Стюарт рассмеялись. Ближайшие полчаса они обсуждали происшествие и его альтернативные варианты развития: вместо зайца мог быть, например, маньяк-каннибал, сожравший всех учителей, или прекрасная девушка-дикарка, нуждавшаяся в социализации.

В лагере всё оставалось без изменений: ботаны роились на поляне, а пляжные тусовщики с каждой минутой становились всё пьянее и похотливее.

Мало кого привлекало созерцание живописной природы. Кому интересна прозрачная вода, в которой помимо нетрезвых школьников плавали рыбки да лягушата? Разве были среди собравшихся ценители великолепия насекомых помимо того прыщавого, помешанного на энтомологии? Парней и девчонок интересовали лишь те бабочки, что пархали у них в животах и узких трусисонах.

Озёрное веселье шло полным ходом: увлекались самочки, заливалось за воротник, устраивались глупые состязания. Над палаточным городком сгустились тучи напряжения, и неизвестность не позволяла отвлечься даже самой любимой книгой или задачей.

– Когда же они вернутся? – вопрошала Мила Маккорни, перекладывая мобильник из руки в руку. Несмотря на отсутствие связи, её крайне беспокоил садившийся аккумулятор. «Зарядить? Или попозже?..» – Вдруг на них напали дикие животные?

– Хватит панику наводить, взмолилась Вики. Её голос дрожал, как и все внутренности без исключения.

– Пошли ужин готовить, – приказным тоном сказала Анна, заглянув к ним в палатку.

Девочки нехотя вылезли наружу, будто их тянули за верёвку, и пошли к кострищу, вокруг которого уже сидела группа людей. Одни резали овощи, другие разводили огонь, третьи собирались за водой для макарон с тушёнкой.

Анна направилась к другим тентам, чтобы выманить затаившихся палаточников и приобщить их к общему делу. Отсутствие «начальства» – не повод помирать с голоду или питаться одними полуфабрикатами.

– Почему я должна обслуживать этих бездельников? – захныкала крохотная девчушка и поправила надоедливую чёлку тыльной стороной руки, державшей нож. – Они весь день купаются, пьют и не пойми-что ещё делают, а потом придут и сметут всё разом.

– Можешь последовать их примеру, если так хочешь, – заметила Анна. – Тебя никто ни к чему не принуждает.

– А кто тебя главной назначил? Почему бы не съесть всё самим, а они пусть едят то, что сами приготовят.

– Попробуй запрети им «сесть за стол». Я посмотрю, как тебе это удастся.

– Я тебя люблю, – бормотал Вермут, обнимая молодую секвойю. – Люблю...

Он забрёл в чашу и потерялся из виду тех, кто всё ещё веселился на пляже. Но разве его это беспокоило? Конечно, нет – ведь у него была молодая секвойя.

Пока Лесли облюбовывал местную флору, на лес опустились сумерки. В них было гораздо проще почувствовать себя раскрепощённым и предаться любовным утехам. Но ребят из палаточного городка тьма вовсе не настраивала на романтический лад – им она казалась зловещей, таившей в себе опасность. Они с ужасом гадали, что та принесёт на этот раз. И что сможет отобрать.

Для некоторых «пляжников» сумрак был весьма кстати. Как говорится, темнота – друг молодёжи. И не только потому, что в ней не видно рожи. И остальных частей тела.

– Мой бывший такой мерзавец, – тараторила поддатая Полли Сименс. Она была единственной первоклассницей в «золотой сотне» – бывшая гордость средней школы Ричвиля и новая надежда старшей. – А ты, Коул, совсем не такой. Всё, что о тебе говорят, – неправда. Ты хороший.

– Да, конечно, – тот участливо гладил её по спине, склонившись к лицу, будто внимательно слушал все излияния. – Не хочешь прогуляться?

Сименс с опаской посмотрела на него.

– Просто здесь очень шумно, – сказал Коул всё тем же спокойным глубоким голосом.

Это убедило девчущку в чистоте намерений собеседника, и она позволила увлечь себя на тропинку, пролежавшую меж высоких пихт и папоротника.

В то же время Вик старательно обхаживал Кристен Бэл, к которой, по слухам, на сраной козе не подъедешь.

– Привет. Можно я буду откровенен?

– Воля твоя, – ответила Кристен. Её голос был протяжным и монотонным, хотя любой мог понять, что она еле сдерживалась от смеха.

Вик замешкался, но дело нужно было довести до конца. Или конец Вика до Кристен.

– Ты мне давно нравишься, но я как-то... не решался...

– Что же дало тебе для этого сил сегодня?

«Она двинутая или стебётся?»

– А... не знаю...

– Так встали звёзды? – Бэл уставилась прямо в выпучившиеся глаза Полока и сжала губы с такой силой, что казалось, она их откусит.

– Ты в порядке?..

– В порядке чего? – она многозначительно прищурилась и склонила голову на бок, будто прозвучал крайне важный, невероятно серьёзный вопрос, ответ на который мог раскрыть секреты мироздания. Но актёрского мастерства у девчонки явно не хватало, и предательский смешок вырвался сквозь напряжённые губы. Она тут же его подавила и с ещё большим пристрастием уставилась на Вика.

– Я пойду, да?

Вик медленно развернулся и пошёл прочь, обтекаемый метафизическими помоями бытия. Тут из-за спины послышался гомерический хохот, и сердце парня сжалось, как резиновая игрушка в руках глупого карапуза.

Требовалась срочная реабилитация, и, выйдя из ступора, Полок стал высматривать «лекарство» для поднятия самооценки. Оглядев пляж, он заметил неказистенькую Сандру Мэйн, плескавшуюся в воде. Не время для «высоких полётов» и набора очков, ему просто нужно залатать пробоины в самоуважении, в которые просачивалась едкая горечь унижения и стыда.

В «золотую сотню» Мэйн попала благодаря спортивным достижениям – она была великолепной легкоатлеткой и частенько приносила школе медали и кубки. От постоянных физи-

ческих нагрузок её тело, не считая плоских сисек, стало безупречным, но вот лицо оставляло желать лучшего. Длинный нос с избыточной горбинкой и крохотные глазки выглядели отталкивающе. В обстановке города она как-то справлялась со своими недостатками, маскировала их правильным макияжем и делала акценты на достоинствах. Но вот на природе ей мало что могло помочь.

Это было на руку. Чем страшнее девка, тем ей сложнее устоять перед обаянием охочего до перепихона юнца. Второго отказа подряд Полок бы не выдержал.

На раздумья времени не оставалось, нужно было как можно скорее принять «антипозорин». Вик скинул футболку и шорты, разулся и нарочито гордо выпятил хорошо прокаченную грудь. Его статное тело вальяжно погрузилось в воду. Каждая мышца играла под кожей, пытаясь перетянуть на себя внимание публики – и как только эта девчонка могла ему отказать? Но всем было срать. Каждый занимался своими делами, так что перформанс остался незамеченным.

Вик приблизился к Мэйн, и вскоре эти двое уже плескались вместе. Сандра с удовольствием отвечала на «ухаживания» Полока, не подозревая о своей незавидной роли.

Коул и Полли уже довольно далеко отошли от пляжа, а она продолжала ныть о своём бывшем.

– Как-то он пригласил меня к себе на ужин с родителями. Его мамаша, деревенская дурочка, наготовила всякой жирной жратвы, а я заранее его предупреждала, что у меня диета. Нет, ну разве у меня была бы такая фигура, если бы я ела всё подряд? А то ему и плоский животик и уважение к его мамкиной стряпне подавай. Ага, щаззз прям. Так она ещё и обиделась, что я ни к чему не притронулась. Представляешь?!

– Безобразие...

– А вот ещё как-то я ему устроила сюрприз. Короче, когда его не было дома, залезла в окно и убралась у него в комнате. Там столько хлама было! А он разорался, что я выкинула все его памятные вещи. Старьё какое-то, а он это памятными вещами называет! Хотел заставить меня всё это барахло выживать из помойки. Меня! Представляешь?! Меня!

– Тебя? – вяло выдавил Коул. «Двести десять, двести одиннадцать, двести двенадцать...» Ему стоило огромных усилий, чтобы самому не найти кучу мусора и не запихать туда незатыкаемую болтушку с головой. – Это невероятно...

– А ещё – представляешь? – он сказал, что мне надо увеличить грудь. Ты это представляешь?

– Он просто идиот! – притворно возмутился Китен, покосившись на декольте собеседницы и внутренне согласившись с её бывшим.

Потоку сознания Малышки Полли пора было положить конец и либо сделать решительный шаг, либо завязать с этим странным променадом, от которого у бедолаги Коула оба уха скрутились в плотные трубочки.

– У тебя очень красивая грудь, – заметил он.

– Правда?

– Да чтоб мне сдохнуть! Конечно, я видел её только в одежде...

Полли уставилась на него.

– Так вот зачем ты позвал меня прогуляться?!

– А ты думала, я хотел послушать очередной бред про твоего ненаглядного маразматика, малолетняя идиотка?!

Глаза девочки вылупились от ужаса и удивления. В её биографии ещё не было подобных инцидентов, несмотря на «тупого бывшего». И, несмотря на свои отличные оценки, похвастаться простой житейской мудростью или малейшим намёком на неё Сименс могла с очень, очень большой натяжкой.

– Пора забыть о том, что мальчики могут просто дружить и болтать с такими, как ты! Да, представля-а-а-ешь, – Коул отменно спародировал собеседницу, скорчив рожу и затеребив «одухотворёнными пальчиками».

– Всё-таки ты именно такой, как о тебе говорят! – крикнула Полли и быстрым шагом направилась обратно к пляжу.

– Представля-а-а-а-а-а-ешь! – бросил ей вслед Китен и остался в сгущающейся тьме без лакомой дырки.

Саша перестала «оплакивать» Питера и отвлеклась от неприятных мыслей в приятном обществе. Она покинула близняшек, от которых Хлоя слиняла ещё за час до этого, и прикнула к компании ребят и девчонок, игравших в карты. Для пушего азарта ставкой служили предметы одежды. Проще говоря, игра велась на раздевание. Для чего же ещё парням играть с девочками в карты? Самые неумелые картёжники уже, в прямом смысле слова, остались без штанов и прикрывали наготу лишь одними руками. Посторонних свидетелей шоу не имело, отгороженное от общего веселья той самой стеной зарослей, которую давеча преодолел Бэлон, чтобы повихлять голым задом.

На «мини казино» Саша набрела совершенно случайно, когда искала укромное местечко, в котором можно было бы хорошенько навалить. Она прошмыгнула мимо, облегчилась и, прикопав «сокровища», попросилась в игру. Её приняли с распростёртыми объятиями, так что скоро она скинула футболку и готовилась остаться без шортиков.

С большинством присутствовавших Саша знакома лично не была, но это недоразумение вскоре исправили. В то же время, все уже знали, кто она и откуда. В Ричвиль Хай Скул довольно редко появлялись иностранные студенты, так что весть о ней распространилась со скоростью света.

– Теперь мы на равных, – обрадовался один из ребят сравнивавшемуся количеству М и Ж. – А то надоело смотреть на волосатые причиндалы.

Другой поднял руку, оторвав от причинного места, чтобы дать «пять». Но тот лишь ухмыльнулся и показал поднятый кверху большой палец – трогать чью-то руку, вывоженную в яйцах – то ещё удовольствие.

Веселье шло полным ходом, девочки раздевались, мальчики натягивали на себя лифчики, все смеялись. Пламя крохотного костерка освещало колоду и присутствовавших обалдуев. Игра увлекала, увлекала атмосфера, воздух, смех и близость полуобнажённых тел. На чистой природе, не убранной каменными постройками, сидели ещё такие молодые, такие голодные до жизни ребята. Саша смеялась вместе со всеми, с этими мало знакомыми парнями и девчонками, которые вскоре останутся лишь смутными воспоминаниями, если останутся вообще. Их улыбки, шутки и подколы были такими новыми, но знакомыми, такими глупыми, понятными и родными. Несмотря на все их отличия, они были простыми подростками. И несмотря на всю их похожесть, они были совершенно разными, совершенно чужими жителями противоположных концов света.

Белобрысому пареньку шла хорошая карта, или он был маститым шулером – уже третий кон подряд победа оставалась за ним. И теперь он навешивал на голову «шапочку для близнецов» длинноногой мулатки, прикрывшей «сироток» курчавыми волосами.

— А меня возьмёте? — слышалось со стороны озера.

Все обернулись на голос и увидели Дика Вашингтона, выползавшего из воды. Его грузное тело облепила мокрая футболка, подчеркнувшая все изгибы, жировые складки и изъязны.

Самые приличные и сдержанные промолчали, другие стали смеяться и открыто выражать свою антипатию к «куску сала».

– Нам вполне достаточно того, что мы уже видим, Мамон – избавь нас от большего!

Весёлая улыбка спала с лица Дика, и он попытался прикрыть своё необъятное тело, просвечивавшееся сквозь промокшие одеяния.

– Фу, это омерзительно, – скорёжилась одна из девочек. – Плыви уже отсюда.

Дик понуро поплёлся в воду, загоразивая пухлой ладонью пятую точку.

– А почему вы так с ним? – спросила Саша. – Он вам что-то сделал?

– Ага, сожрал всех преподав! – заржал белобрысый.

– Просто он придурок, – пояснила мулатка.

– Жирный придурок, – поправил её тот.

Саша грустно посмотрела вслед удаляющейся монументальной фигуре. Эти покатые плечи и стекающие слои «спасательных кругов» не вызвали в ней ни капельки отвращения, лишь только жалость. Спустя минут десять-пятнадцать игры, она решила удалиться. Смех уже казался каким-то злым, шутки грубыми, обнажённые тела пошлыми и отталкивающими.

– Не хочу остаться совсем без одежды, так что я завязываю, – сказала она, ведь обязательно нужна какая-нибудь отмазка, причина. Разве может человек вот так просто сказать, что больше не хочет играть? Что ему жаль того жирдяя, которого они так унизили и послали?

– Но тебе придётся оставить нам свой выигрыш, – поспешил предупредить лысый, обвешанный женскими трусиками.

– А... хорошо... – все стратегически важные места были прикрыты купальником, так что ничего криминального это не представляло.

Добравшись до соседнего пляжа, Саша быстро отыскала Вашингтона, пристроившегося к кучке с провиантом. Он уплетал чипсы, задумчиво глядя вдаль.

– Привет, – её голос напоминал тот, которым сёстры милосердия увещевают душевно больных.

– Привет! – обрадовался Мамон. Он миготом засиял от счастья, будто ему в зад подключили световодный кабель, а изо рта повалились крошки и луково-чесночное зловоние.

– Как дела?

– Всё отлично, а у тебя?

– Хорошо... – Саша замялась. Разве таким образом должны себя вести униженные и оскорблённые? Где слёзы и ком в горле? Где грусть и печаль? Где стенания, в конце концов?! Болтать о том о сём с этим товарищем в планы «Матери Терезы» не входило. У неё была чёткая спасительная миссия, а не заведение дружбы с каким-то левым и совершенно непривлекательным перцем.

– А ты чего ушла с того пляжа? Там, кажется, было весело.

– Не для меня... Может, прогуляемся? – «Наверное, он так на людях храбрится... надо отвести его подальше, чтобы перестал прятаться за маской радости и показал, как ему плохо».

– Отличная идея! – Дик согласился с неописуемым восторгом и чуть ли не вприпрыжку направился к тропе.

Он много говорил, интересовался Россией, Москвой, жизнью Саши и почти не оставил ей никакой возможности задать собственные вопросы и оказать ему моральную поддержку.

– А у тебя есть парень?

– Был... до того, как узнал, что я еду в Америку.

– Он решил, что ты будешь трахаться направо, и не хотел носить рога? – воодушевлённо предположил Вашингтон.

– Прости? – Саша не поверила своим ушам.

– Ну ладно, – Дик улыбался, как ребёнок, которому обещали конфету. – Когда мы уже трахаться будем?

Рот Саши самопроизвольно открылся, а мозг стал судорожно искать объяснение происходящему.

– Ну чего ты меня сюда позвала-то? Если стесняешься, я могу всё сам сделать. Правда я никогда не трахался с живым человеком, но я попробую.

– П-п-прекрат-ти повторять это слово.

– Какое слово?

До Саша начало доходить, что погнали Мамона вовсе не за его внешний вид, и оскорбления в его адрес были всего лишь констатацией прискорбного факта: Дик Вашингтон – жирный придурок.

– Знаешь что, Дик... давай-ка мы сейчас просто вернёмся на пляж и забудем об этом разговоре.

– Почему?

Леонова помотала головой, будто пытаясь тряхнуть с неё бред, которым её только что посыпали, очень обильно и обстоятельно, и решительным шагом ушла прочь. А Вашингтон в полном недоумении остался мусолить край всё ещё влажной футболки своими пухлыми и рыхлыми руками.

– Куда это ты ходила с тем толстяком? – спросила Кэти, стоило Саше ступить на пляж.

– Лучше не спрашивай.

– О нет... ты не могла так низко пасть!

– Иди ты! Мне стало его жалко, и я просто хотела его поддержать...

– Теперь ты делаешь *это* в благотворительных целях?

– Что *это*?! Кэти, мы просто разговаривали, а потом он спросил, когда мы уже будем...

– Саша стиснула зубы и процедила: – Трахаться.

– Трахаться?!

– Тихо ты! Да. Я развернулась и ушла... О, Боже! Я чувствую себя вываленной в грязи. Это так противно.

– Да уж, он отвратителен, – Кэт передёрнула плечами.

– Не в этом дело! Я хотела ему помочь, а он вот так...

– Не поняла я тебя что-то. Он просил о помощи?

– Нет...

– Уверена, что она ему была нужна?

– Ему, видимо, другого характера помощь нужна... но мне стало его так жалко...

– Так. Давай по порядку. С чего это тебе его жалко стало? Просто потому что он жирный?

– ... Нет... Мы играли в карты, он тоже хотел, но его не приняли и послали, очень обидно и грубо.

– И с кем ты играла? Я тебя искала. Где ты была, вообще? – затараторила Кэти, забив на страдания жиртреста.

– Мне сегодня кто-нибудь даст?! – пробормотал Коул, проходя мимо после очередной неудачи. Он ещё не так сильно отчаялся, чтобы снизойти до носатых и плоскогрудых, потому посягал на птичек высокого полёта, предпочитавших гадить ему на башку, вместо скачек на члене. На этот раз ему досталось от премиленькой второклассницы Тони Соул, балерины и однолюбки, положившей глаз на одного из самых видных парней школы, так что всем прочим тут ловить было нечего. – Суки...

– Это омерзительно, – произнесла Саша, провожая Коула взглядом и оставив вопросы Кэти без ответа. – Неужели это всё, что может доставить им радость? Разве нельзя без этого веселиться? Они все такие?

– Не знаю, спроси у них... Так где ты была?

– Я хочу есть, – вмешалась Марта.

– Так бери и ешь! Или я тебя покормить должна?

– Дура. Я нормальной еды хочу, а не снеков. Я возвращаюсь на поляну.

– Да иди, куда хочешь. Только на тропе темно, смотри, чтобы тебя Гарлем не съел.

– Гарлем, да?.. – устало вздохнула Марта.

– Ну или как там этого странного уродца из твоей книженции зовут?

– Голлум.

– Ну Гарлем, Голлум – какая разница?

– Действительно... А вы не собираетесь уходить?

Саша пожала плечами, а Кэти причмокнула языком:

– Ты думаешь, все должны делать то, что тебе в голову взбрѣдет?

– Я только спросила, истеричка. Угомонись, – бесцветно сказала Марта и направилась в лес.

– Может, тоже пора валить? – Кэти неуверенно глянула на Сашу и пошла собирать вещи с пляжа.

– Ты видишь башню? – спросил Дин, высматривая базовую станцию.

Они со Стюартом наконец-то добрались до поля. Уже стемнело, и разглядеть хоть что-то казалось довольно проблематичным. Фонарей хватало лишь на несколько метров, поэтому товарищам нужно было двигаться дальше напрямик по заросшему сорняками полю, которое уже давно никто не возделывал. Тропа, ведущая к дороге, была протоптана слишком далеко от вышки, так что пришлось сначала идти по ней, а затем сворачивать вправо и пролезать среди репейника и зверобоя ярдов сто.

– Что это? – Стюарт встал как вкопанный. Свет фонаря лёг на огромный предмет, оказавшийся на предполагаемом месте башни.

– Понятия не имею. Но, думаю, надо валить отсюда.

– Ты шутишь?! Мы же за этим пришли!

– За чем этим? – любопытство пересилило страх, и Сандерс приблизился к неопознанному объекту. Он пошарил по его поверхности лучом и повернулся к другу. – Может, я чего-то не понимаю... но эта штука похожа на самолѣт...

– Инопланетяне?! – возбуждѣнно зашипел Стюарт и подскочил к предмету.

– Сомневаюсь... скорее обломки обыкновенного небольшого самолѣта... видимо, он разбился и задел вышку, поэтому и связи нет...

– «Джин-Кинетикс», – прочитал на раскуроченном фюзеляже Донован. – Это частный самолѣт фирмы отца одного паренька из первого класса, такого страшенького с патлами.

– Он, наверно, свалился, когда мы ещё спали, раз связи с самого утра нет...

В эту минуту пришла страшная догадка, чѣткое понимание, что это не просто машина. В ней должны быть люди, по крайней мере, хотя бы один человек. Дин нервно сглотнул.

– Трупы.

– Где? – испугался Стюарт.

– Не знаю. Но они должны быть.

– Надо проверить кабину пилота.

– Пошли отсюда, Стю, давай оставим это дело полиции, – взмолился Дин.

– А вдруг кто-то ещё жив? Мы можем помочь этим людям, а потом будет уже поздно.

Сандерс отбросил предательский страх и направился вслед за товарищем.

– Никого, – отрапортовал Донован, не обнаружив в кабине ни единой души: ни живой, ни мѣртвой.

Шаг за шагом все обломки были обследованы и излазанны вдоль и поперѣк, но ни одного намѣка на присутствие пилота и пассажиров, ни останков, ни фрагментов тел, ни звуков.

– Может, они спаслись и ушли?

– И никто не пострадал? Хотя, может, мы не заметили обрывки одежды и кровь из-а темноты.

– А он не должен был взорваться или типа того?

– Может, это миф такой из фильмов? Хотя... кто его знает?
– А он не может сейчас взорваться, если сразу не рванул?
– Дин, я тебе специалист по авиакатастрофам, что ли?! Понятия не имею, может, и взорвётся! – после этих слов Донован двинулся в сторону тропы и призвал друга последовать его примеру. На всякий «пожарный».

«Общество ботанов» уже сварганило знатный ужин и уплетало его за обе щёки. Самые справедливо настроенные пытались урвать побольше и поскорее расправиться с едой, чтобы не участвовавшим в приготовлении пищи ничего не досталось. Или досталось нестерпимо мало.

Преподаватели с родителями до сих пор не вернулись, и это заставляло нервничать даже тех, кому их пропажа поначалу показалась забавной. Некоторые «тусовщики» уже вернулись, оставив пляж тем, кто всё ещё надеялся подцепить кого-нибудь на кукан.

– И что нам теперь делать? – вопрошала Клариса. Весь день её глаза были на мокром месте, поэтому теперь лицо представляло вспухшее месиво с красным сопливым шином. Она так и не притронулась к еде, стынувшей в миске из нержавеющей стали. «Теория загора» Дина и Стю уже не выдерживала никакой критики, и девочке всё больше казалось, что её сестрёнка в опасности.

– Пока ждать, – ответила Анна. – Потом – посмотрим.

– Но если с ними что-то случилось, нам тоже может что-то угрожать. Вдруг этой ночью пропадём и мы? – возразила Мила.

– С трудом верится, что с ними могло случиться нечто ужасное, что теперь грозит и нам. Да, конечно, странное поведение для взрослых людей – бросить подростков одних в чащу, но кто мог их похитить, или что там по твоей версии случилось, что нас это никак не коснулось?

– Не знаю...

– Вот и я не знаю. Поэтому собираюсь спокойно поужинать, почитать и лечь спать. А остальные – как хотите.

Клариса молча всхлипнула и шмыгнула носом. Ей-то сегодня уж вряд ли удастся уснуть.

– А давайте вместо того, чтобы нудить, поиграем во что-нибудь? – предложила Кэти, устав от разглагольствования ботанов.

– Во что? – спросила Вики.

– В пантомиму, например. Это так весело! Мы всегда в загородном доме собираемся возле камина и играем в пантомиму. И бабушки, и дедушки, и дети. Так забавно! А тут костёр – прям как камин—

– Давайте, – поторопилась согласиться Мила, пока Сим не рассказала всю историю семьи до девятого колена. – Доедим только.

– Как думаешь, взрослые уже вернулись? – спросил Дин, задыхаясь от быстрой ходьбы.

– Откуда мне знать? – бросил Стюарт, пожираемый скопом плотоядных мыслей.

– Я ж к тебе не как к справочному бюро обращаюсь, а спрашиваю, как думаешь *ты*, – Сандерс изо всех сил пытался наладить диалог, чтобы развеять гнетущее напряжение. Ему проще было назвать это напряжением, чтобы не признавать наличие страха.

– Если они вернулись, надо сразу сказать им о самолёте... – несмотря на прозвучавший ответ, на диалог это тянуло едва ли – Донован говорил будто сам с собою. – Если нет, то придётся вернуться, когда будет светло – вдруг мы что-то упустили...

Дин промолчал. Его воображение излишне натурально нарисовало искалеченных пассажиров, ползущих по старому полю в попытке спастись. Тьма, отчаяние, беспомощность и полное неведение того, что на милях вокруг нет никак признаков цивилизации, единственным из которых была вышка, снесённая при крушении.

– Санта Клаус! – выкрикнула Кэти, пытаясь угадать, кого изображает вернувшийся на поляну Китен.

Он мог бы ещё «порыбачить» на пляже, но желание пожрать и отсутствие «клёва» пома-нили обратно. Здесь его ждало забавное развлечение, способное хотя бы на какое-то время заставить отвлечься от зуда в штанах. Коул с радостью окунулся в лицедейство и со всем рвением принялся демонстрировать свои способности к пантомиме.

На предположение Сим он помотал головой и снова сделал жест, обозначающий нечто на подбородке, принятое Кэт за бороду.

– Жиртрест! – вынес свою версию Чип Зингер и нервно поправил очки, взволнованный своей небывалой решимостью выступить перед столь большой аудиторией. Но и его версия о толстяке с двойным подбородком оказалась неверной.

Помотав головой, Коул опустил руки на уровень паха и сделал тот же самый жест, что у лица. Затем снова повторил его у подбородка.

– Яйцебород! – догадался Пол.

– Молодца! – поздравил его Китен и дал «пять».

– Какой ещё яйцебород?! Что за бред?! – запротестовала Кэти. – Надо показывать то, что все могут отгадать, а не ваши больные эротические фантазии, которыми вы делитесь между фрикциями.

– Ты чё опухла? Какие фантазии? Это же классика – «Люди в чёрном»! – возмутился Коул.

Сим недоверчиво глянула на остальных участников. Те как по команде закивали в защиту Яйцеборода.

– Бред... – выдавила она.

– Может, кто-то другой будет загадывать слово? В смысле, не сам показывающий, м? – предложила Клариса, пытавшаяся отвлечься игрой от грустных мыслей. К её крайнему сожалению, получалось это едва ли.

– Можно и так... – согласился Пол, уже готовый к «битве».

– Тогда сейчас тебе загадывает Коул, – распорядилась Кэти. – Только вот давайте без яйцебородов и подобной мутатени.

– Почему? Это ж смешно, – недоумевал Пол, искренне не понимая такой неприязни к столь колоритному персонажу. Для него так и осталось тайной, что причина была вовсе не в самом бороодяйцем герое, а в том, что у Сим изначально не было шансов на победу.

Коул принялся яростно нащёпывать Полу задание.

– Да. Всё. Давай, – кивнул «вода», и Китен с чувством выполненного долга и лыбой от уха до уха уселся на брёвнышко наблюдать представление.

Какое-то время Штольц стоял ко всем спиной. Игроки замерли в ожидании. Наконец он повернулся с выпяченными, как у утки, губами и, манерно отбросив воображаемые волосы, окинул присутствовавших томным взглядом. Все покатались со смеху – этого персонажа редко можно было увидеть в подобном образе, пожалуй, не чаще, чем никогда. Он развернулся полностью, закинул руки за голову и согнул колени, выпятив грудь вперёд. Бедолага ещё долго кривлялся и выделялся и так и эдак, хотя все давно догадались, но молчали, чтобы подольше посмотреть феноменальное представление. В конце концов прозвучал правильный ответ – «фотомодель» – и настала очередь Кларисы. Тут Пол решил оторваться по полной и загадал Мистера Говняшку.

За день земля и вода успели хорошенько прогреться, но ночная прохлада брала своё, заставляя самых мерзлявых возвращаться к палаткам.

Сандра Мэйн искала тепла в другой степи и пыталась согреться в посткоитальных объятиях Вика. Дурнушка с роскошной фигурой и посланный защитник «Пантер» быстро нашли

общий язык. Как тот и предполагал, девушка и не подумала отказывать ни в безобидных играх, ни в эротических утехах в лоне раскидистых кустов. Теперь, удовлетворив своё Эго, Полок прикидывал, с кем проведёт остаток вечера, пока оттарабаненная «таблетка» льнула к своему случайному партнёру в надежде получить тепло не только физического происхождения. Но она явно ошиблась адресом. Эта дверца была закрыта, а за ней копошились страх, неуверенность и жалкое мужское достоинство, которое так легко, оказалось, унижить.

Обманчивая идея о том, что Сандра просто слишком страшенькая, чтобы дать ей нечто большее, чем одноразовый секс в качестве лекарственного средства, скрывала неприятную правду о неспособности Вика справиться с отказом и насмешками, как настоящий мужчина. Там, где-то ниже плинтуса, Полок выковыривал самые мерзкие ощущения и эмоции, опрокидывавшие его представление о том, как стоит себя вести самцу человека. «Может, надо было попробовать подкатить к кому-то посимпатичнее?.. Было бы не так противно...» Нет, конечно, Мэйн не входила в «касту неприкасаемых», у неё даже были поклонники и довольно частые половые связи, но что для копрофила хорошо – для недерьмоеда смерть.

В конце концов Вик, закопавшийся в мыслях о собственной никчёмности, решил разорвать сей порочный круг и поднялся с земли. Он молча вынул куртку из-под Сандры, мигом оказавшейся на земле. Она в изумлении уставилась на тёмные очертания Полока и со вздохом выдавила:

– Ты чего?

Тот не удостоил её ответом и только пожал плечами. А что он мог сказать? Объяснить, что использовал её, а теперь ему противна сама мысль о том, что этот огромный нос клевал его в пах? Вик стоически одёрнул себя от грубости, позволив пониманию о полной невинности Сандры взять верх – хотя желание сбросить на неё всю ответственность за переживания было побольше жопы Дика Вашингтона.

Темнота не позволила Сандре разглядеть невнятное подёргивание Вика, а игнор на неё действовал как красная тряпка.

– Эй, я к тебе обращаюсь!

Полок снова промолчал. Он только раздражённо вздохнул и стал пробираться к тропинке. Но Сандра оказалась настойчивой и схватила его за плечо.

– Ты, случаем, не спутал меня с одной из своих девок, а?! Что за хрень, Полок?!

Вик грубо сбросил её руку и даже не остановился. Таких, как он, Сандра называла латентными трусами, прячущимися за образом мужлана. Но самой ей было невдомёк, что сейчас перед ней типичный представитель этого расплодившегося вида. Вику были противны проявления человеческих слабостей – они служили ему напоминанием о том, что скрывалось внутри него самого. Каждый раз перед матчем он сдерживался, чтобы не обмочить от волнения штаны, а выходя на поле, надеялся, что никто не заметит, как его колени трясутся в паркенсоническом припадке. Вся жизнь Вика была борьбой с самим собой, комплексами, страхами и слабостями. И ему крайне претила даже мысль о проигрыше. Но победить всю эту гвардию ему никак не удавалось, лишь только скрыть. Порой и от самого себя. Но в такие моменты, как с той сучкой Кристен Бэл, стена давала трещину и требовала срочного ремонта, чтобы сокрытые ею тайны не выбрались наружу. Лучшими материалами для починки служили чужие тела, самооценки и старые добрые ненависть с агрессией, бывшие лишь вынужденной бравадой, наносившей урон всем участникам действа.

Уж с кем с кем, а с Сандрой так никто не позволял себе обращаться, несмотря на её страшную рожу. В безумном припадке она оседлала обидчика и вцепилась в него зубами – коль не берёт человеческая речь, может, сработают методы дикарей. Скажи ей раньше, что вот так вот придётся разбираться с негодным покорителем её вагины, она бы в жизни не поверила. Но тут мозг отключился и дал волю бурлящим чувствам.

Для Вика подобный поворот событий тоже оказался в новинку. Не успев сообразить, что происходит, он втарапанился спиной в дерево, чтобы стряхнуть неожиданно впившийся инородный объект. Девчонка больно ударила головой и осела на землю. Она беспомощно раскинула руки в стороны и стала плакать.

Преисполненный ненависти взгляд Вика пробежался по тёмному хнычущему пятну, из рта лились крепкие словечки, а ноги сами понесли прочь от ненормальной. Но с каждым шагом жар спадал, уступая место чувству вины. Движения замедлялись, в итоге, немного потоптавшись на месте, Полок пошёл в обратную сторону. Но стоило ему приблизиться к вытраханной брошенке, как она заорала не своим голосом:

– Не подходи ко мне, урод! Я всем расскажу, какой ты гнойный пидорас! – истеричный голос нервно срывался на ультразвук, а трясущиеся от злости руки вырывали траву и швыряли в противника.

Бедолага Вик, отвергнутый в душевном порыве, тут же пожалел о жесте доброй воли и прорычал сквозь крепко стиснутые зубы:

– Ну и пошла ты, тварь, – и развернулся обратно.

Он шёл в гордом одиночестве и с остервенением мусолил поправленную честь. «Я хотел всё уладить, а она! Ну и что, что я её сам довёл? Я довёл? Да нет... ну да... ну и что? Я собирался извиниться! Кем она себя, вообще, возомнила с таким шнобелем? Сказала бы спасибо, что я не побрезговал ей присунуть! Стерва страшная... да пошла она...» Ни в чём неповинный камушек, волей случая оказавшийся на дороге, получил знатный пендель и отлетел в сторону. «Овца!»

Вик почти дошёл до пляжа, когда его посетило ясное осознание, что клеить тёлочек сегодня больше не тянет. Резким движением он сменил курс в сторону лагеря, чтобы без лишних свидетелей затаиться в палатке. Добравшись до поляны, он осторожно выплыл из-за деревьев, стоявших поодаль от игроков в пантомиму, и незамеченным прополз в укрытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.